

Юрий ЖУКОВ

Из архивов
Политбюро

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА

Юрий Жуков

Первое поражение Сталина

Издательский Центр «Аква-Терм»

2011

Жуков Ю. Н.

Первое поражение Сталина / Ю. Н. Жуков — Издательский
Центр «Аква-Терм», 2011

Книга «Первое поражение Сталина» рассказывает о начале политической карьеры будущего общепризнанного лидера Советского Союза. О том, как в годы революции и Гражданской войны он пытался сохранить единство России, не допустить ни её распада, ни раздела на национальные республики. И о том, кто ему в том противостоял, почему Сталин так и не смог одержать победу в жестокой и бескомпромиссной борьбе. Книга создана на основе уникальных архивных документов, большинство из которых лишь недавно рассекречено и предлагает совершенно новый взгляд на события тех бурных лет. Книга рекомендована к печати Учёным советом Института российской истории РАН.

© Жуков Ю. Н., 2011

© Издательский Центр «Аква-
Терм», 2011

Содержание

Часть I	8
Глава I. Новая власть – старые проблемы	8
1. Автономии!	10
2. На полпути к решению	17
3. Кануны	27
4. Вызов Киева	33
5. Путь в Каноссу	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юрий ЖУКОВ

Первое поражение Сталина 1917–1922 годы От Российской Империи – к СССР

*Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы избежать.
Огюст Конт*

В марте 1913 года в Петербурге вышел из печати и поступил в продажу очередной, третий, номер легального большевистского журнала «Просвещение». Среди прочих материалов он содержал и статью Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия». Статью столь пространную, что её пришлось публиковать в трех номерах, а год спустя – из-за большого к ней интереса – даже издать отдельной брошюрой под несколько иным названием: «Марксизм и национальный вопрос».

Этой статьёй автор, до того известный только в узких партийных кругах как функционер регионального масштаба, главным образом по двум работам («Вкратце о партийных разногласиях» и «Анархизм или социализм»), напечатанным на грузинском языке, ибо имели значение прежде всего для кавказских организаций РСДРП, заявил о себе как о серьёзном, зрелом теоретике. Обратившемся к вопросу, разрабатывавшемуся европейской социал-демократией начиная с Четвёртого (лондонского) конгресса Второго Интернационала, и выдвинувшем лозунг «право наций на самоопределение», трактуемый как политическая или культурная автономия.

Новая работа Сталина стала результатом и глубокого, тщательного изучения более чем актуальной, начиная с революции 1905 года, для России проблемы, и знакомства с нею на практике во время первой зарубежной поездки – три с половиной месяца с начала ноября 1912 года по февраль 1913-го он провёл в Австро-Венгрии. Жил сначала в Кракове, а потом в Вене.

Злободневность избранной проблемы и для Российской Империи, и для большевистской партии Сталин объяснил далеко не сразу. Для начала, в чём сразу же проявил чисто научный подход, объяснил своё понимание термина «нация», чему посвятил первый из семи разделов работы. Последовательно, используя широкий круг примеров, полемизируя с виднейшими лидерами австрийской социал-демократии Отто Бауэром и Карлом Реннером, писавшими под псевдонимами Шпрингер, Синоптикус указал:

«Нация есть исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». И тут же подчеркнул – «только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию».

Затем подвёл читателя к следующему тезису. «Нация, – указал Сталин, – является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи». Раскрыл такое объяснение следующим образом: «В западной Европе... образование наций означало... превращение их в самостоятельные национальные государства». Не стал при этом углубляться в историю, напоминая, что появились они с 1648 года, со времени завершения охватившей весь континент Тридцатилетней войны и подписания Вестфальского мира. Счёл более важным донести до читателей иное:

«В то время как на Западе нации развивались в государства, на Востоке сложились межнациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы – они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными в государственной организованности оказались

мадьяры... В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы». А далее сказал то самое важное, что, по его мнению, и породило национальный вопрос:

«Ворвавшись в спокойную жизнь оттеснённых национальностей, капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность Рейхсрата в Австрии и Думы в России способствует усилению «национальных чувств». Народившаяся интеллигенция проникается «национальной идеей» и действует в том же направлении. Но приступившие к самостоятельной жизни оттеснённые нации уже не складываются в независимые национальные государства. Они встречаются на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!»

Вслед за тем Сталин пояснил: «Так складывались в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии, хорваты и прочие в Венгрии, латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и прочие в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом... Так складывались обстоятельства, толкавшие молодые нации востока Европы на борьбу... Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттеснённых наций...

Стеснённая со всех сторон буржуазия угнетённой нации, естественно, приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая своё собственное дело за дело общенародное... И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг её /буржуазии – Ю.Ж./ знамён: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство. Так начинается национальное движение...»

Но тут же Сталин растолковывает, конкретизирует: «Из сказанного ясно, что национальная борьба в условиях поднимающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой».

Только прочно обосновавшись на единственно бесспорном для всех без исключения марксистов классическом положении – фундаменте, Сталин и продолжил развитие своей мысли. «Поэтому, – резюмирует он, – социал-демократия всех стран провозглашает право на самоопределение». Но что же стоит за таким лозунгом? И даёт ему собственное толкование, коренным образом отличавшееся оттого, на котором настаивали теоретики австрийской социал-демократии и лидеры «Бунда» – партии, объединявшей российских евреев.

Право на самоопределение, утверждает Сталин, означает что «только сама нация имеет право определять свою судьбу. Никто не имеет права **насиловать** вмешиваться в жизнь нации, **разрушать** её школы и прочие учреждения, **ломать** её нравы и обычаи, **стеснять** её язык, **урезать** её права».

Правда, сразу же последовала оговорка, и весьма принципиальная. «Это, конечно, не значит, – подчеркнул Сталин, – что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определить свою судьбу».

Далее же Сталин впервые высказал то, что на протяжении последующего десятилетия будет повсюду отстаивать, пытаться осуществить на практике. Нация, по его твёрдому убеждению, «имеет право устраивать свою жизнь на началах автономии, вступать с другими нациями в федеративные отношения, совершенно отделиться... Но это ещё не означает, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, то есть для её большинства, то есть для трудящихся слоев». И сразу же задаётся важнейшим вопросом: «какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс – автономия, федерация или сепарация?»

Ответ следует незамедлительно: «Экономические, политические и культурные условия: – таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно устроится та или иная нация, **какие формы** должна принять её будущая конституция». Только затем Сталин позволил себе

перейти от общего к частному. От поиска ответа – как же решать национальный вопрос, не вообще в Восточной Европе, а в России.

«В России, – съехидничал он, – во-первых, «слава богу, нет парламента». Во-вторых, и это главное, осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьба русского вопроса, а, значит, и «освобождения» наций связываются в России с решением аграрного вопроса, то есть с уничтожением крепостнических остатков, то есть с демократизацией страны... Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России. Национальный вопрос – подчинённый».

Следующие два раздела работы Сталин посвятил целенаправленной критике культурной автономии. Ещё раз категорически отверг её, под каким бы флагом она не выступала, ибо для него такое решение «противоречит всему ходу развития наций. Она, – пояснил Сталин, – даёт лозунг организовать нации, но можно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям?»

Наконец, вернулся к наиглавнейшему – как же решать национальный вопрос в России. И начал с наиболее хорошо знакомого ему. «На Кавказе, – объяснил Сталин, – имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы». К такому относились мингрелы, абхазы, аджарцы, сваны, лезгины, кобулетцы, ингуши, осетины, ингилойцы, закавказские татары (азербайджанцы)... «Как бытеть такими народностями?... К каким нациям их отнести? Возможно ли их «организовать» в национальные союзы?» – задал он риторические вопросы, и сам же ответил на них:

«Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь **в духе вовлечения запоздалых наций и национальностей в общее русло высшей культуры**. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупляться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперёд и облегчает им доступ к благам высшей культуры».

Завершил же Сталин работу конкретным предложением. Правда, заимствованным у Мартова. Точнее, из сказанного тем ещё в 1903 году на II съезде РСДРП и включённого в программу партии. Наиболее разумной формой решения национального вопроса должно стать «областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно русских областей». Но далеко не для всех.

«Единственно верное решение, – указал Сталин, – областная автономия. Автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. д.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определённым населением, живущим на определённой территории. Затем, она не меует людей по нациям, она не укрепляет национальные перегородки. Наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население».

Так, вводя альтернативу культурной автономии областной. Сталин и сделал её «необходимым пунктом в решении национального вопроса». Но понимая, что предлагаемые им области не являются моноэтническими, оговорил и такую проблему. «Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетаемы национальными большинствами. Но опасения имеют основания лишь в том случае, если страна останется при старых порядках».

...Когда Сталин писал «Марксизм и национальный вопрос», он не мог даже помыслить, что всего через четыре года его статья потеряет чисто теоретический, отвлечённый характер.

Часть I

Ящик Пандоры

Глава I. Новая власть – старые проблемы

С отречением Николая, а вслед за тем и Михаила, появилось, казалось бы, долгожданное, столь чаяемое либералами ответственное, пусть и назвавшее себя временным, правительство. Ответственное, перед продолжавшей существовать никем не распущенной Думой, сессию которой при желании можно было возобновить в любой день. Той самой Думы, «по почину» которой якобы Временное правительство и возникло. На самом деле всё оказалось далеко не так просто.

Только что вступивший в должность министра иностранных дел П.Н. Миллюков на первой же официальной встрече с французским послом Морисом Палеологом откровенно объяснил: «Мы сосредоточили в своих руках все виды исполнительной власти, в том числе и верховную. Мы, следовательно, не ответственны перед Думой».¹ Уточнять – а перед кем всё же ответственно Временное правительство? – почему-то не стал.

Позиция всех новых министров (в том числе, и премьера) основывалась на тексте отречения, подписанного Михаилом. А в том прямо указывалось, что Временное правительство облечено ВСЕЮ властью. Следовательно, не только исполнительной, но и законодательной. Правда, всего лишь на время до созыва Учредительного собрания. И вот такая деталь вскоре и породила несколько позже названное тем же Миллюковым «перерывом в праве».

Сознательный отказ от ответственности перед Думой породил и иное. Неизбежное в самом близком времени усиление значения Совета рабочих и солдатских депутатов просто как единственного в стране органа выборного. Уже в силу только того призванного подменить собой и формально существующую, но бездействующую Думу, и пока не существующее Учредительное собрание, с выборами в которое не очень торопились.

Словом, странная, необъяснимая позиция Временного правительства сама по себе вела к неизбежному в таких обстоятельствах двоевластию.

Между тем, все, абсолютно все – и народ страны, и союзники – ждали от Временного правительства, ибо ждать больше было не от кого, ответа на самый важный, воистину судьбоносный вопрос. Сможет ли новая Россия не просто продолжать воевать, всего лишь удерживая фронт, но и по договорённости, достигнутой в октябре минувшего года, перейти в наступление. Совместно с французскими, английскими и итальянскими силами нанести Германии и Австро-Венгрии последний, решающий и сокрушительный удар.

Только потому Временному правительству и пришлось первой же декларацией, от 6 марта, заверить Париж, Лондон и Рим в верности данным прежде обязательствам. Заявить, что «будет верно соблюдать все союзы и сделает всё, от него зависящее, чтобы обеспечить армии всё необходимое для ведения войны до победного конца».² Оговорку же – «всё, от него зависящее» – допустили далеко не случайно. Из-за неуверенности в боеспособности «полученных в наследство» вооружённых сил.

Худшие опасения подтвердились слишком скоро.

«Запасов в стране, – констатировала записка Ставки, направленная всего три недели спустя в МИД, – для полного продовольствия армии **недостаточно...** Вследствие недостатка угля, металла, расстройства транспорта и переживаемых событий производство снарядов (крупных калибров), патронов, ружей и орудий значительно понизится... Укомплектование людьми в ближайшие месяцы подавать на фронт в потребном числе нельзя, ибо во всех

запасных частях происходят брожения... Укомплектование лошадьми будет задержано, так как по условиям внутреннего транспорта и необходимости не ослаблять полевые /сельскохозяйственные – **Ю.Ж.**/ работы, все реквизиции лошадей задержаны. Железнодорожный транспорт находится в значительном расстройстве, и, даже при условии отыскания запасов, мы не можем подавать одновременно на фронт запасы для ежедневного довольствия и для образования запасов, без наличия которых хотя бы на двухнедельную потребность нельзя начинать каких-либо операций».

«Армия, – продолжала записка, – переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через два-три месяца. Пока же замечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство. Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время пойдёт вперёд, очень трудно».

Далее же следовал неутешительный вывод:

«1. **Приводить** ныне в исполнение намеченные **весной активные операции недопустимо**. 2. Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления Северного фронта. 3. На всех фронтах, до восстановления порядка в тылу и образования необходимых запасов, необходимо перейти к обороне. 4. Необходимо принять самые энергичные меры для уменьшения едоков на фронте. Для этого необходимо убрать с фронтов всех инородцев и военнопленных и решительно сократить число людей и лошадей во всех тыловых учреждениях. 5. Надо, чтобы правительство всё это совершенно определённо и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что **мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде**»³ /о совместном и одновременном наступлении не позже апреля 1917 года – **Ю.Ж.**/.

Итак, оборона вместо наступления... Но не только. Ставке, пока особо не подчёркивая, пришлось отметить и иное. Солдаты стали выражать своё отношение к войне самым простым и наглядным способом – дезертирством. Нараставшим, ширившимся с каждым днём бегством с фронта. Спустя всего год Н.Д. Набоков так объяснял происходившее: «Трёхлетняя война осталась чуждой русскому народу, он ведёт её нехотя, из-под палки, не понимая ни значения её, ни целей, он ею утомлён, и в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, сказалась надежда, что она приведёт к скорому окончанию войны».⁴

Но не только дезертирство изрядно поубавило оптимизма у власти. Требовала самого срочного решения ещё одна проблема. По всей стране начались, всё усиливаясь, «аграрные беспорядки», как привычно называли крестьянские волнения. Разгром имений и «чёрный», то есть исключительно на свой страх и риск, раздел помещичьей земли. Пахотной, которой никогда не хватало тем, кто её обрабатывал, луговой – для сена, шедшего на прокорм скоту.

Временное правительство уже 19 марта признало: решение земельного вопроса «составляет самую серьёзную социально-экономическую задачу переживаемого периода», является «основным требованием всех демократических партий». Правда, тут же оговорилось – вопрос о земле «станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании»⁵. Не раньше. Но на некоторые меры правительство всё же отважилось. 16 марта национализировало земли удельного ведомства, то есть принадлежавшие царской семье в совокупности. Более 7 миллионов гектаров. А спустя десять дней новым постановлением добавило к национализированным и земли кабинета бывшего императора. На том имитация земельной реформы завершилась. Крестьяне так и не получили от государства ни одной десятины.

На том беды и несчастья, с которыми пришлось столкнуться новой власти, не ограничились. К коллапсу экономики и транспорта, к бегству солдат из окопов, к крестьянским волнениям добавилось и то, чего прежде ещё не было. То, что угрожало распадом страны, безразлично, выиграет ли она войну, или проиграет. Громогласно, требовательно заявил о себе сепаратизм.

1. Автономии!

Избавиться разом хотя бы от внутренних проблем премьер Г.Е. Львов попытался самым, как он полагал, простым, радикальным и вместе с тем демократическим способом. 7(20) марта он направил во все административные центры России циркулярную телеграмму, подписанную лишь им одним.

«Придавая самое серьёзное значение, – гласило распоряжение Львова, – в целях устройства порядка внутри страны и для успеха обороны государства, обеспечению безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей, передав управление председателям губернских земских управ в качестве правительственных комиссаров».⁶

Трудно вообразить, чтобы автоматическая полная замена одних чиновников царского министерства внутренних дел другими, также занимавшими свои посты по назначению, смогла что-либо изменить к лучшему. Однако Львов не ограничился лишь такой мерой. На следующий день было опубликовано с ним интервью, которым премьер только усилил им самим и порождённый административный хаос. «Назначать, – вдруг заявил премьер, противореча смыслу собственной телеграммы, – никого правительство не будет. Это вопрос старой психологии... Пусть на местах сами выберут».⁷ И тем поставил накануне назначенных комиссаров в ложное положение. Чётко указал, что их пребывание в должности – весьма кратковременное. Следовательно, безответственное. Так, миг разрушил пусть плохую, даже очень плохую, но всё же хоть как-то ещё действовавшую систему управления. Усугубил же ситуацию одновременный роспуск полиции и жандармерии как органов порочного самодержавия.

За такими решениями и последовала неизбежная, легко предсказуемая смута, прежде всего проявившаяся на национальных окраинах. Ускорили же её два постановления Временного правительства, на деле означавшие добровольный отказ от двух наиболее развитых в промышленном отношении, наиболее культурных регионов.

Первым стал принятый 7(20) марта акт «Об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении её в полном объёме». По сути ставший выражением взглядов и Прогрессивного блока, высказанных ещё в августе 1915 года, и царского правительства, признавшего в конце 1916 года, под давлением обстоятельств, неприемлемым жёсткий курс по отношению к Финляндии.

В Петрограде полагали такой акт вполне достаточным, дабы снять все накопившиеся за годы войны противоречия с Гельсингфорсом. И получить, наконец, столь необходимый займ в размере 200 миллионов финских марок, призванный компенсировать отсутствие в Великом Княжестве воинской повинности. И увеличить поставки молока, масла, мяса для нужд столицы, испытывавшей острейшую нужду в продовольствии, а также фуража для армии. И пресечь всё нараставшее «егерское движение» – нелегальный отъезд в Германию молодёжи призывного возраста для военного обучения и последующей службы в рядах немецкой армии на её восточном фронте, то есть против России. Словом, наконец-то избавиться от постоянного страха перед финским вооружённым восстанием, которым российские власти давно уже сами себя настойчиво запугивали.

Возвратить насильственно отнятые законные права великому княжеству не составляло особого труда. Зато сразу же тот, кто сделал бы это, представал в глазах всего мира подлинным демократом, решительно порвавшим с тяжким наследием самодержавия. Вместе с тем, акт от 7(20) марта призван был и послужить не вполне ясным, неотчётливым обещанием всем политическим кругам Финляндии – пророссийским пока ещё социал-демократам; старофиннам, являвшимся сторонниками ориентации на Германию и Швецию; младофиннам, решительно

настроенным в пользу Антанты– той самой широкой автономии, на деле означавшей чуть ли не полную независимость, которой те и добивались.

Однако непродуманность, непоследовательность политики Временного правительства выразились буквально в первой же фразе столь важного документа. Практически повторившей традиционную формулу всех императоров при вступлении на престол, лишь несколько изменив её чисто стилистически: «Облеченные всей полнотой власти, мы сим утверждаем и удостоверяем...»

Разумеется, акт включил всё то, что стало необходимым, являлось порождением насущных требований времени. Полное перечисление законов Российской Империи, изданных почти за три десятилетия, и ограничивших автономию Финляндии, а потому и отменяемых отныне. Объявление полной амнистии осуждённым по политическим мотивам, подразумевавшее, прежде всего, высылку в Томскую губернию П.Э. Свинхувуда, получившую слишком шумную огласку в Европе. Разрешение созвать избранный в июле 1916 года сейм, права которого предполагалось значительно расширить, и обещание представить на его утверждение законопроекты о независимом Верховном суде Великого Княжества, о свободе печати, о союзах. Но ни слова не было сказано о расквартированном в Финляндии 42-м отдельном корпусе, по численности приближавшемся к армии. Видимо, подразумевалось, что его пребывание вполне оправдано войною.

Завершался же акт 7(20) марта более чем патетически: «Мы торжественно сим актом подтверждаем финляндскому народу на основе его Конституции, незыблемое сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальной культуры и языков /финского и шведского – **Ю.Ж./**. Мы выражаем твёрдую уверенность, что Россия и Финляндия будут отныне связаны уважением к закону ради взаимной дружбы и благоденствия обоих свободных народов».⁸

Итак, обещана была всего лишь **внутренняя** самостоятельность. Не более. Только то, чем и без того обладала Финляндия даже при самодержавии.

Подписывая акт, и премьер Львов, и все министры твёрдо полагали – всё население Великого Княжества вполне удовлетворится всего лишь восстановлением своих старых прав, а вековая уния двух государств сохранится и в будущем. Но ошиблись депутаты сейма, возобновившего свои заседания 21 марта (2 апреля), уже не захотели довольствоваться «внутренней самостоятельностью». Возжелали – революция, так революция! – гораздо большего.

Социал-демократ Мякелин заявил: «Автоматический переход власти монарха к Временному правительству означал бы, что русская революция произвела изменение финских основных законов. Если мы приняли манифест 7 марта и санкционировали созыв сейма, из этого не следует, что мы признали за Временным правительством право решать внутренние вопросы Финляндии»⁹. А другой депутат, от Шведской народной партии, Хурнборг пошёл в своих требованиях ещё дальше. «Финляндия, – торжественно возгласил он с трибуны сейма, – и пусть это знает весь мир, будет настаивать на признании её самостоятельности».¹⁰

17(30) марта Временное правительство сделало ещё один шаг на пути к скорому и неизбежному, как становилось очевидным, распаду страны. Выпустило «Воззвание к полякам», попытавшись выразить в нём как бы своё собственное отношение к давно «перезревшему» польскому вопросу. Решилось, наконец, на то, к чему фактически уже подошло Особое совещание по разработке основных начал будущего государственного устройства Польши всего месяц назад, 12 февраля.

Вынуждала же к тому настоятельная необходимость каким-либо образом сделать то, что лишь намеревалось царское правительство. Необходимость отреагировать, пусть и со значительным запозданием, на провозглашение 5 ноября 1916 года независимости Польши. Воссоздание её Центральными державами, но только из исключительно российских губерний с

преобладающим польским населением, да и то далеко не всех. И, кроме того, постараться предотвратить формирование польской армии численностью чуть ли не в миллион человек. Появление той силы, которая вполне могла оказаться решающей в грядущих сражениях на германском фронте.

«Старая власть, – назидательно растолковывало воззвание населению Привислинского края, два года назад оставленного русскими войсками, – дала вам лицемерные обещания, которые могла, но не хотела исполнять. Срединные державы /Германия и Австро-Венгрия – **Ю.Ж./** воспользовались её ошибками, чтобы занять и опустошить ваш край. Исключительно в целях борьбы с Россией и с её союзниками они дали вам призрачные государственные права, и притом не для всего польского народа, а лишь для одной части Польши, временно занятой врагами. Этой ценой они хотели купить кровь народа, который никогда не боролся за сохранение деспотизма».

Далее же манифест чуть ли не слёзно взывал о самом важном. Но не для Польши, а для русского Генерального штаба: «Не пойдёт и теперь польская армия сражаться за дело угнетения свободы, за разьединение своей родины под командою своего векового врага». Подразумевалось, что поляки должны вступать, постоянно пополняя, в действовавшую в составе российских вооружённых сил дивизию Польских стрелков, развёрнутую только что, 24 января 1917 года, из образованной ещё в октябре 1915 года Польской бригады.

Лишь затем говорилось об основном. «Временное правительство считает, – без обиняков указывало воззвание, – создание независимого Польского государства, образованного **из всех земель, населённых в большинстве польским народом** / выделено мной – **Ю.Ж./**, надёжным залогом прочного мира в будущей обновлённой Европе». И пояснялось: «Освобождённый и объединённый польский народ сам определит государственный строй свой, высказав волю свою через Учредительное собрание, созванное в столице Польши и избранное всеобщим голосованием... Российскому Учредительному собранию предстоит... дать своё согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши из всех трёх ныне разрозненных частей её».¹¹

Так, решительно и бесповоротно, Временное правительство распорядилось частью территории собственной страны. Понадеялось на непрременную, как оно полагало, поддержку такого решения всею «революционной демократией» – как всех политических партий, так и будущих депутатов столь же будущего Учредительного собрания. Было твёрдо уверено, что раз и навсегда избавилось от будоражившей страну столетие самой острой из всех национальных проблем. Однако «Воззвание к полякам» вместе с актом от 7(20) марта привело к обратному результату. Породило «эффект домино» – требования территориальной автономии чуть ли не во всех национальных окраинах. И прежде всего там, где они оказались спровоцированными самой властью.

...С 24 апреля 1915 года, когда германская армия захватила Либаву, военное положение в Прибалтике практически не менялось. Немцы продолжали удерживать Ковенскую, Виленскую и Курляндскую губернии, а фронт вот уже два года проходил несколько южнее Двины, превратив тем самым Ригу в важнейший для обороны Петрограда стратегический пункт русской армии.

Столь же неизменной всё это время оставалась и официальная антинемецкая государственная политика для края. Суть же её выражали не столько демонстративные действия – повсеместное закрытие немецких школ, запрет говорить по-немецки в общественных местах, эвакуация Дерптского университета вглубь России с одновременным переименованием его в Юрьевский, – сколько иное, более основательное. Поиск форм ликвидации сословной обособленности немецкого рыцарства (дворянства) Прибалтийского края и его многовековых привилегий.

Но если до февраля выдвижение такого вопроса являлось делом исключительно правительства, то теперь, после революции, его обсуждение взяло на себя местное коренное население. Уже 13(26) марта в Риге по сути самовольно собралось губернское Земское собрание – в отличие от ещё юридически не ликвидированного немецкого дворянского ландтага состоявшее только из латышей. Оно и потребовало, практически поддержав ноябрьскую, 1916 года, инициативу бывшего министра внутренних дел А.Д. Протопопова и премьера Б.В. Штюмерера о разделе Лифляндской губернии по этническому признаку.

Правда, теперь, после революции, ещё никем не санкционированный местный орган самоуправления скорректировал недавнее предложение, не изменив притом его чисто националистической сути, потребовал объединить все территории Прибалтийского края, населённые латышами, в единую административную единицу – Латвию. Согласно первому пункту резолюции Земского собрания, её должны были составить Курземе-Курляндская губерния; Видземе-Рижский, Вольмарский, Валкский, Венденский уезды Лифляндской губернии (её южная часть); Латгалия – Люцинский, Режицкий и Двинский уезды Витебской губернии.

Второй же пункт резолюции недвусмысленно гласил: «Латвия должна быть автономной и нераздельной провинцией России с широкими правами самоопределения». ¹²

Рижское Земское собрание не сомневалось, что Временное правительство непременно удовлетворит хотя бы первую часть резолюции, и не ошиблось. Ещё бы, ведь за ним, в его пользу было не только антинемецкое настроение, выражавшееся в шпиономании и доношительстве. Главной своей заслугой латыши полагали создание добровольческой Латышской стрелковой дивизии, насчитывавшей к началу 1917 года 39 тысяч человек. Её восемь полков, входивших в состав 12-й армии, и сдерживали немцев под Ригой, прикрывая значительный участок фронта, протянувшегося от Балтики до Двинска.

Действительно, всего две недели спустя, 30 марта (12 апреля) Временное правительство утвердило двумя постановлениями национальное размежевание Лифляндской губернии. Отделило её северные уезды (Неоновский, Феллинский, Юрьевский (Дерптский), Веросский и Эзельский), включив в состав Эстляндской губернии. Кроме того, оба постановления – по Лифляндии и Эстляндии порознь – предусматривали в самом ближайшем будущем упразднение существовавших губернских органов местной власти – правлений, присутствий, а также только что созданной должности губернского комиссара по крестьянским делам, и замену их выборными Земскими советами. ¹³

Однако очень скоро достигнутого латышским политикам показалось недостаточным. Всего через месяц крупнейшая в Латвии партия, Крестьянский союз, поспешила сформулировать более радикальные требования к Временному правительству. В программе, принятой на съезде, прошедшем в Валке 29 апреля, потребовала:

«Для России – демократической федеративной республики (союза, народов – государств), возглавляемой: а) коллегиальным органом – Президиумом, члены которого выбираются на три года, из среды Палаты депутатов на общем её заседании; б) Советом представителей отдельных государств».

Для самой же Латвии предусматривалось, что она должна иметь «с Россией: а) общую дипломатию с правом в случае надобности иметь за границей особых хозяйственных агентов; б) общие морские и сухопутные войска (народную милицию)... в) общие таможи и таможенные пошлины... г) общие деньги». И твёрдо указала: «основные законы Латвии вырабатываются и принимаются Учредительным собранием Латвии». ¹⁴

Ну а Латышская национал-демократическая партия пошла в своих устремлениях ещё дальше. В изданной ею и распространяемой по всей стране брошюре «Латышское государство» открыто призывала к отделению от России не только Латвии, но и Литвы, Эстонии, Финляндии, Украины. ¹⁵

Наконец, появившаяся на картах только благодаря жгучему желанию латышей воссоединиться Эстония также поспешила заявить о своём стремлении к обособлению. 2 июля Эстонский национальный конгресс, проходивший в Ревеле, практически без каких-либо серьёзных изменений утвердил как собственную резолюцию программу Эстонской радикально-демократической партии, принятую в конце мая.

На словах высказав поддержку Временному правительству конгресс, тем не менее, заявил, что он «в настоящее переходное время стремится всеми силами к тому, чтобы в среде Соединённых Штатов республиканской России возник полноправный Эстонский Штат, который, являясь частью нераздельной России, сосредоточил бы в своём ведении все касающиеся Эстонского края дела. Заодно конгресс высказал и территориальные претензии, первые такого рода в стране. Потребовал присоединить к Эстонии город Валку, расположенный на новой административной границе с Латвией, и населённую русскими Нарву.¹⁶

Идея сепаратизма в различных формах – от требования отделения до предоставления минимальной автономии – начала распространяться по России как эпидемия. Так, уже в конце марта газета грузинской партии социал-федералистов «Сахалко пурцели» возвала к населению:

«Требуем автономии Грузии!.. Беспредельное доверие и любовь национальностей России к Временному правительству будут бесконечны только в том случае, если революционное правительство судьбу этих национальностей разрешит в революционном смысле... Мы сами должны выработать законы свободной Грузии. Мы требуем не только грузинского демократического правительства, но и законодательства. Не только грузин-чиновников, но и грузин-правителей и грузинских депутатов грузинского парламента». Газета же «Сакартвело» потребовала всего-навсего немедленно выслать из Грузии «пришельцев», то есть русских.¹⁷

Тем всё нараставшее националистическое движение отнюдь не ограничилось. Продолжало охватывать один регион за другим. 6(19) марта самообразовавшийся во Владикавказе и никого фактически не представлявший Временный Центральный Комитет объединённых горцев Северного Кавказа единодушно высказался «за выделение горских общин в отдельную автономную единицу». 25 марта (7 апреля) столь же нелегитимно возникший в Бахчисарае Крымо-татарский курултай (съезд) выдвинул боевой лозунг – «Крым для Крымцев». Месяц спустя религиозный по сути Туркестанский мусульманский Центральный Совет счёл самым актуальным для народов Средней Азии добиваться автономии края.¹⁸

И всё же, весной 1917 года наибольшую угрозу для целостности страны представляла стремительно развивавшаяся ситуация в Киеве. Там 4(17) марта местные политические лидеры, давно мечтавшие хоть о какой-нибудь власти, поспешили воспользоваться шансом, предоставленным им революцией.

М.С. Грушевский, С.А. Ефремов, В.В. Дорошенко – от Союза украинских автономистов-федералистов (ещё накануне – поступовцы); В.К. Винниченко, М.В. Порш, С.В. Петлюра – от Украинской социал-демократической рабочей партии; Н. Ковалевский, Л. Ковалёв, П.А. Христюк – от Украинской партии социалистов-революционеров решили срочно образовывать собственный «национальный» центр. С этой целью в тот же день собрали по городу представителей всевозможных профсоюзных и общественных организаций – от Товариществ а технику и агрономов до руководителей церковных хоров – и от их имени объявили о создании Украинской Центральной Рады (Совета). Председателем её избрали того, кого совсем недавно освободили из тюрьмы за антиправительственную пропаганду в пользу Австро-Венгрии, кого с почтением начали величать «отцом украинской истории».

Уже 5(18) марта Рада громогласно заявила о себе. Выпустила обращение «К украинскому народу» и направила в Петроград две телеграммы. Премьеру Львову, в которой кратко отметила: «Уверены, что справедливые требования украинского народа и его демократической

интеллигенции будут удовлетворены». И министру юстиции А.Ф. Керенскому, чуть приоткрыв ею суть своих требований: «Верим, что отныне не будет обездоленных народностей и что недалеко уже время полного осуществления наших давнишних стремлений к свободной федерации свободных народов».¹⁹

Не дождавшись от Временного правительства ответа, который можно было бы толковать как официальное признание. Рада организовала 19 марта (1 апреля) в Киеве многотысячную манифестацию. На Крещатике, перед зданием городской Думы. Грушевский призвал участников шествия бороться за широкую автономию Украины. А на Софийской площади собравшиеся как бы голосованием одобрили резолюцию, предложенную Радой:

«Требуем от Временного правительства тесно связать вопрос автономии Украины с интересами нового строя и побудить население Украины ко всяким жертвам /подразумевалось продолжение войны – **Ю.Ж.**/ путём немедленного издания декларации, которой была бы признана необходимость широкой автономии украинской земли».²⁰

Петроград вновь не отреагировал, и тогда Грушевский счёл необходимым ещё жёстче выразить цели националистов. Выступил в газете «Нова Рада» со статьёй, ультимативно повторив откровенно сепаратистские планы Рады. «Появилась настоятельная необходимость, – писал бывший профессор университета города Лемберг, как в Австро-Венгрии называли «свой» Львов, – обеспечить украинскому народу государственные права федерированием с Россией, а если потребуется, то и полной независимостью... Знамя независимости Украина развернёт в тот момент, когда российские централисты захотели бы вырвать из наших рук стяг широкой украинской автономии в федеративной и демократической Российской Республике».²¹

Объяснение же того, что националисты понимают под «широкой» автономией, последовало чуть позже, из Харькова. Там, на местном «украинском» съезде, и уточнили: Украина нуждается в автономии, аналогичной финляндской.²² Иными словами, со своим парламентом и правительством, денежной системой и таможенными границами, армией...

Не добившись от Временного правительства и на этот раз не только признания, но и вообще какой-либо реакции на свои заявления, Центральная Рада сделала следующий ход. Чисто пропагандистский. Собрала 6(19) апреля в Киеве так называемый Украинский национальный съезд. Правда, не использовала необходимую для того демократическую процедуру – выборы. Поступила проще. 28 марта (13 апреля) объявила, что своих представителей на съезд могут присылать все без исключения политические, просветительские, профессиональные, иные организации и общества. Но при обязательном условии – **стоящие на платформе широкой национально-территориальной автономии Украины.**²³

Съехавшихся в Киев из близлежащих сёл и местечек крестьян, учителей, агрономов, солдат не спрашивали, кого и на каком основании они представляют. Просто выдавали каждому мандат «делегата». Таким образом, заранее обеспечили поддержку с их стороны всего того, что бы ни предложили организаторы. И действительно, все полторы тысячи собравшихся (почти половина их проживала в Киеве) дружно проголосовали за резолюцию, в которой столь нуждалась Центральная Рада:

1. Украинский национальный съезд, признавая за Российским Учредительным собранием право санкции нового государственного порядка России, а также автономии Украины и федеративного устройства Российской Республики, полагает, однако, что до созыва Российского Учредительного собрания приверженцы нового порядка на Украине не могут оставаться пассивными, но в соглашении с меньшими народностями создавать неотложно основания её автономной жизни.

Идя навстречу желаниям Временного правительства в деле организации и объединения общественных сил, признаёт неотложной потребностью организацию Краевого совета из пред-

ставителей украинских областей и городов, народностей и общественных слоев, к чему инициативу должна взять Украинская Центральная Рада.

2. Украинский конгресс, признавая право всех наций на политическое самоопределение, полагает: а) что границы между государствами должны быть установлены согласно с волею пограничного населения; б) что для обеспечения сего необходимо, чтобы были допущены на мирную конференцию, кроме представителей воюющих держав, и представители тех народов, на территории которых происходит война, в том числе и Украина...

5. Украинский национальный конгресс поручает Центральной Раде проявить как можно скорее инициативу в деле создания прочного союза тех народов России, которые, как и украинцы, требуют национально-территориальной автономии на основаниях демократической Российской Республики.

Украинский национальный конгресс постановляет: поручить Центральной Раде организовать из своих делегатов и представителей национальных меньшинств комитет для выработки проекта автономного статута Украины, после чего этот статут будет предложен на утверждение конгрессу Украины, организованному так, чтобы он выражал волю населения всей территории Украины. Санкция автономного строя Украины признаётся за российским Учредительным собранием...²⁴

Вот так, не меньше, и не больше. Участие в мирной конференции, установление границ, да ещё и инициатива в создании «союза требующих национально-территориальной автономии» народов страны! Уже только подобный призыв в любой цивилизованной демократической стране повлёк бы немедленное уголовное преследование. Арест и суд за попытку развала государства, да ещё ведущего войну. Однако Временное правительство смолчало. Не обратило оно ни малейшего внимания и на формирование конгрессом краевых органов власти. Инспирировку избрания нового состава всё той же Центральной Рады численностью в 150 человек, нечто вроде парламента, её председателем – Грушевского и заместителями – Ефремова и Винниченко.

Одновременно сепаратисты явочным порядком приступили и к тому, что называли «украинизацией» российских вооружённых сил. Пренебрегая тем, что шла война, решили создавать из находившихся на фронте дивизий и корпусов собственные национальные формирования.

Ещё 5(18) марта несколько офицеров киевского гарнизона объявили себя Войсковой Радой. Именно она и приступила, не без пока молчаливой поддержки Центральной Рады, к набору добровольцев в Первый украинский полк имени гетмана Богдана Хмельницкого. Решительный протест, но столь же неправомерного Комитета депутатов войск Киевского военного округа, последовал 16(29) апреля. Он постановил:

«1. Всякое переформирование частей войск не может не отразиться на боевой мощи всей армии. 2. Формирование отдельного украинского полка потребует по техническим условиям значительного времени. 3. Формирование украинских частей может дать толчок требованиям выделения всех украинских элементов из общей русской армии. 4. Вопрос должен быть поставлен на обсуждение Фронтового /Юго-Западного фронта – **Ю.Ж.**/ съезда 20 апреля... 6. Обратиться к Киевской Войсковой Украинской Раде с просьбой склонить 3000 украинцев /выразивших желание служить в полку имени Хмельницкого – **Ю.Ж.**/ немедленно отправиться в армию в общем порядке».

Решение Комитета поддержали – а иначе и не могло быть – командующий Киевским военным округом генерал-лейтенант Н.А. Ходорович и начальник штаба округа генерал-майор Н.Э. Бредов, рассматривавшие самовольное формирование полка как вопиющее нарушение воинской дисциплины, а также Киевский Совет рабочих депутатов.²⁵ Но что-либо изменить они так и не смогли.

Временное правительство знало о происходившем. Во всяком случае, должно было знать, ибо о том кричали все петроградские газеты. Знали, но бездействовали. Бездействовал

премьер, он же министр внутренних дел Г.Е. Львов. Бездействовали министры, военный – А.Н. Гучков, юстиции – А.Ф. Керенский. Видимо, уповали на правительственную декларацию от 27 марта (9 апреля), которая в самой общей форме пообещала:

«Цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов».²⁶

2. На полпути к решению

Столь же безучастными к целостности страны оказались и все основные партии России – кадеты, эсеры, меньшевики. Более всего их беспокоили только два вопроса: обоснование их собственной поддержки Временного правительства да сохранение верности союзникам, и для того продолжение войны любой ценою. Все остальные проблемы, требовавшие незамедлительного решения, оставляли на будущее, на волю Учредительного собрания.

Лишь большевики поспешили, ещё не выработав новый взгляд на события, сделать достоянием широкой гласности свой старый, довоенный, документ. Опубликовали по инициативе В.М. Молотова 17(30) марта в «Правде» (тираж 85 тысяч экземпляров) выработанную Сталиным резолюцию по национальному вопросу. Принятую давным-давно, ещё летом 1913 года. Ею же напомнили об отрицательном отношении к проявлению национализма в любой форме:

«1. Необходима... широкая автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей, **на основании учёта самим местным населением хозяйственных и бытовых условий**, национального состава населения и т. д. 2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства, безусловно, вредно...»/выделено мною – Ю.Ж./.

Затрагивая всё же вопрос о праве наций на самоопределение, большевики вроде бы признали его – «с.-д. партия, безусловно, должна отстаивать это право». Но тут же следовала серьёзнейшая оговорка, вернее, фактическое отрицание такого права: «5. Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, сточки зрения интересов всего общественного развития... Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетённых наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремление разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций».²⁷

Последний пункт и делал дореволюционную резолюцию крайне актуальной. Яснее выразить отношение ко всевозможным поползновениям националистов было невозможно.

Вот в такую обстановку и пришлось окунуться 12(25) марта Сталину. Сошедшему в Петрограде с поезда, привёзшего его из далёкого провинциального сибирского города Ачинска.

Пять дней поездки чуть ли не через половину России, да ещё в вагоне третьего класса, общем – не разделённом на купе, без постельного белья, на жёстких деревянных полках – само по себе оказалось весьма неприятным испытанием. И всё же оно стало для Сталина предвестником счастья. В последнюю минуту вместо призыва на воинскую службу, отправки на фронт в серой солдатской шинели, его подхватил вихрь революции, о которой он мечтал не одно десятилетие. Да ещё принёс в самый центр бурных событий, в столицу. Туда, где его сразу же ввели в руководство партии, действовавшей отныне открыто, свободно. Из ссыльного он превратился в гражданина, который может не только влиять на происходящее, но и на будущее. Если сумеет изменить жизнь так, как ему мечталось в Новой Уде и Сольвычегодске, в Туруханском крае. Так, как подсказывали знания, опыт профессионального революционера.

Уже в день приезда Сталина ввели в ЦК. Пока самообразовавшегося, никем не избранного – не было для того условий. Включавшего восемнадцать человек, среди которых отсутствовали будущие вожди – Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий. А три дня спустя Сталина сделали и членом Президиума ЦК – временного высшего руководящего органа большевистской партии. Вместе с ещё четверыми – П.А. Залуцким, А.Г. Шляпниковым, М.К. Мурановым, Е.Д. Стасовой. Всеми теми, кто и много лет позднее будет оставаться в руководстве партии либо бросать ему вызов, переходя в оппозицию.

Всё? Оказалось, ещё нет. 15(28) марта Сталина ввели и в редакцию газеты «Правда», возобновлённой всего за десять дней перед тем В.М. Молотовым. Дали поручение, значившее в тех условиях не меньше, чем в далёком будущем – избрание членом Политбюро. Ведь из примерно 24 тысяч большевиков только около тысячи находились в Петрограде. И потому им, а не кому-либо иному, предстояло самостоятельно, в самые ответственные дни, вырабатывать партийную линию. Пропагандировать её. Нести в самые широкие массы – рабочим, солдатам страны – своё видение революции. Организовывать эти массы, убеждая именно в своей правоте, вести за собою в жарких политических баталиях.

Мало того, 18(31) марта ЦК делегировал Сталина и в состав Исполкома Петросовета. Казалось бы, теперь ему следовало сосредоточиться, отдавая все силы, только там. Ведь оттуда скорее всего можно было начать восхождение к вершине власти. Однако Сталин отказался от такого пути. Предпочёл публицистику и стал регулярно писать для «Правды». Чуть ли не ежедневно – за девятнадцать мартовских дней – семь статей. Острых, злободневных, нелюбимых. Простых по стилю, почему и понятных малограмотным читателям, очень далёким от политики.

Первая статья увидела свет 14 марта. О самом важном, по мнению большевиков, – «О советах рабочих и солдатских депутатов». Вторая, 16 марта, – «О войне», третья и четвёртая, 17 и 18 марта, – о власти нынешней и власти будущей – «На пути к министерским портфелям», «Об условиях победы русской революции». И только пятую и седьмую Сталин посвятил тому, что интересовало, волновало его больше всего. Тому, что внезапно, но только не для него, начало приобретать судьбоносное значение – национальному вопросу, перераставшему на глазах в национализм, и сразу же в сепаратизм. Заговорил же о том первым из лидеров всех без исключения российских партий.

Информационный повод нашёлся быстро. 20 марта (2 апреля) Временное правительство приняло постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений».²⁸ Если судить только по названию – решение раз и навсегда слишком давно перезревшей, весьма болезненной проблемы. Но стоило только внимательно вчитаться в текст документа, как стало ясным – он затрагивает интересы лишь... евреев, и никого более. К тому же, сам текст подготовили столь стыдливые люди, что ухитрились ни разу прямо не упомянуть тех, для кого и отменяли черту оседлости, кому предоставляли права, равные всем остальным гражданам страны – возможность заниматься общественной деятельностью, учиться в любых, средних и высших учебных заведениях, поступать на гражданскую службу.

«Всё это очень хорошо, – вроде бы соглашался Сталин с постановлением в статье «Об отмене национальных ограничений». Но было бы непростительной ошибкой думать, что декрет этот достаточен для обеспечения национальной свободы, что дело освобождения от национального гнёта доведено уже до конца. Прежде всего, декрет не устанавливает национального равноправия в отношении языка».

Почему же Сталин прежде всего затронул вопрос о языке, точнее – о национальных языках? Да только потому, что в отличие и от авторов постановления Временного правительства, и от тех, кто срочно возжаждал автономии, и не меньшей, чем обладала Финляндия, помнил о наиважнейшем. О том, что в стране слишком много народов, говорящих на своём языке. Более того, подавляющее большинство их неграмотно, почему любые рассуждения о возмож-

ном разделе территории России по национальному признаку мгновенно превратят её в новую Вавилонскую башню, которая непременно рухнет. Развалится.

«Как быть, – растолковывал Сталин, сознательно выходя за рамки комментируемого документа и преднамеренно обостряя проблему – с областями с компактным большинством не из русских граждан, говорящих не на русском языке (Закавказье, Туркестан, Украина. Литва и пр.)? Нет сомнения, что там будут свои сеймы /автор имел в виду органы местного самоуправления – **Ю.Ж.**/, а значит и «делопроизводство» (отнюдь не частное!), как и преподавание в учебных заведениях (не только в «частных»!) – всё это, конечно, не только на русском, но и на местных языках». И тут же предложил собственную программу действий. Давно продуманную, обоснованную, выстраданную самой жизнью в царской России.

«Кто хочет, – писал Сталин, – установить действительное национальное равноправие, тот не может ограничиться отрицательной мерой об отмене ограничений, – он должен от отмены ограничений перейти к положительному плану, обеспечивающему уничтожение национального гнёта. Поэтому необходимо провозгласить:

1. политическую автономию (не федерацию!) областей, представляющих целостную хозяйственную территорию /выделено мной – Ю.Ж./ с особым бытом и национальным составом населения, с «делопроизводством» и «преподаванием» на своём языке;

2. право на самоопределение для тех наций, которые по тем или иным причинам не могут оставаться в рамках государственного целого».²⁹

Не трудно заметить, – как и четырьмя годами ранее, Сталин продолжал решительно отвергать даже мысль о федерации. Считал необходимым и вместе с тем вполне достаточным лишь автономию, то есть самоуправление областей. Но таких, чью территорию определит важнейшее с его точки зрения – экономические связи, сложившиеся, как можно предположить, довольно давно. И лишь на третье (!) место при определении таких областей ставил национальный состав.

Говоря же о самоопределении, вернее, отделении от России, то такую возможность Сталин явно предусматривал только для Финляндии и Польши. Он достаточно хорошо понимал, что под воздействием событий как мировой войны, так и падения самодержавия, они обязательно будут продолжать добиваться и непременно добьются полной независимости. Тем более что Временное правительство безрассудно потворствовало тому.

Но обоснования, мотивировку своего плана Сталин сразу же посчитал совершенно недостаточными. Уж слишком много говорили и писали о необходимости раздробления России на обособленные только по национальному признаку области, не встречая ни малейшего возражения ни от кого. Потому и счёл важным и своевременным развить свою главную мысль в ещё одной статье для «Правды». Подчёркнуто вызываяще назвал её: «Против федерализма».

Сталин не стал полемизировать с латышскими и эстонскими, украинскими и грузинскими автономистами. Поступил иначе. Объектом критики избрал путаные рассуждения некоего И. Окулича, опубликованные эсеровской газетой «Дело народа». Следовательно, взгляды, разделяемые и поддерживаемые этой самой популярной тогда в стране партией. Как выяснилось, не просто заигрывавшей с политиками окраин, но без боя, малейшего сопротивления капитулировавшей под давлением националистов.

«Пусть федеральное Российское государство, – возглашал безответственно Окулич, – примет от отдельных областей (Малороссия, Грузия, Сибирь, Туркестан и т. д.) атрибуты суверенитета... Но да даст оно отдельным областям внутренний суверенитет. Да будет создан предстоящим Учредительным собранием «Российский союз областей». И для подтверждения такого взгляда приводил как пример для подражания образование Соединённых Штатов.

Вот тут-то Сталин и «поймал» незадачливого писака. Напомнил и ему, и всем эсерам, и читателям «Правды» азбучные истины. Что США создали отдельные до того колонии, что то

же самое ранее произошло в Швейцарии, а позже – в Канаде, на обстоятельства возникновения которых также ссылался Окулич.

«О чём же говорят эти факты? – риторически вопрошал и сам же отвечал Сталин. – Только о том, что в Америке, как в Канаде и Швейцарии, развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идёт не в пользу федерации, а против неё. Федерация есть переходная форма... Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не берёмся, конечно, повернуть назад колесо истории. Но из этого следует, что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обречённой на исчезновение».

Далее Сталин стал развивать высказанную мысль, обосновывая её. «Для всех ясно, – указал он, что области в России (окраины) **связаны** с Центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы... Для того чтобы превратить Россию в федерацию, пришлось бы **порвать** уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой, что совершенно неразумно и реакционно».

Не ограничив тем аргументацию, Сталин продолжал, приведя не менее, а может, и более значимое доказательство своей правоты. «Америка, – возобновил он школьный урок, – также, как и Канада, и Швейцария, разделяется на штаты (кантоны) не по национальному признаку, а по географическому». Растолковывал: в США сорок восемь штатов на семь-восемь национальных групп, в Швейцарии при трёх национальных группах – двадцать пять кантонов.

«Не то в России, – пояснял он. – То, что принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии (Украина. Закавказье, Сибирь, Туркестан и др.), есть не простые географические области вроде Урала или Поволжья, а определённые уголки России с определённым бытом и (не русским) национальным составом населения... Автономию (или федерацию) областей России для того, собственно, и предлагают, чтобы поставить и решить национальный вопрос в России, ибо в основе разделения России на области лежит национальный признак».

И чтобы ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения в сути его взглядов, Сталин категорически заявил: «Не ясно ли, что **федерализм в России не решает и не может решить национальный вопрос** /выделено мной – Ю.Ж./, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?» И далее повторил предложенный двумя днями ранее план, несколько скорректировав его применительно к новым обстоятельствам.

«Решение национального вопроса, – настойчиво предлагал Сталин, – должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно:

1. право на отделение /в первой статье он ещё использовал весьма неопределённое понятие «самоопределение» – Ю.Ж./ для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;

2. политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции, для областей, отличающихся национальным составом и остающихся в рамках целого.

Так, и только так должен быть решён вопрос об областях России!»³⁰

Здесь не могут не возникнуть два естественных вопроса.

Почему же Сталин изменил порядок всего двух пунктов своей прежней программы, почему внёс существенные сокращения в прежде устойчивое определение понятия «область»?

Не может вызвать сомнения, первым пунктом он сделал самое серьёзное и в то же время неизбежное – отпадение Финляндии и Польши. Только их, ибо при перечислении в обеих статьях областей с «компактным нерусским населением» именно они и не были упомянуты.

Ответ на второй вопрос не может быть таким же безусловным. Скорее всего, Сталин исключил три из четырёх характеристик областей, которые могли бы в принципе претендовать на автономию, – «целостная хозяйственная территория», «особый быт», «делопроизводство и преподавание на своём языке» – лишь потому, что счёл излишним повторять их, а кроме того, решил привлечь внимание читателей только к одному аспекту сложной проблемы, чисто национальному.

После статьи «Против Федерализма» Сталину пришлось на время отказаться от выражения собственных взглядов на будущее административное устройство России. Поступить так потому, что возвращение 3(16) апреля в страну В.И. Ленина заставило всех находившихся в Петрограде большевиков срочно заняться выработкой новой программы партии. Вернее, обсуждать её основные положения, предложенные Лениным как «Апрельские тезисы», положенные в основу изданной уже 10(23) апреля работы «Задачи пролетариата в нашей революции».

Естественно, Ленин прежде всего уделит первостатейное место таким вопросам, как соотношение классовых сил, двоевластие, внешняя и внутренняя политика Временного правительства, возможное перерастание революции буржуазно-демократической в социалистическую. Национальный же у него оказался только четырнадцатым из девятнадцати. И изложил он его весьма своеобразно. Наметил как бы два взаимоисключающих друг друга, вроде бы противоречивых варианта решения.

Первый – при сохранении существующего политического положения. В таком случае предложил партии «отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетённых царизмом, насильственно присоединённых или насильственно удерживаемых в границах государства, т. е. аннексированных».

Как альтернативу высказал Ленин и иное воззрение. «Пролетарская партия, – писал он, – стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций».

Для того же, чтобы снять кажущееся противоречие между двумя положениями, Ленин предлагал: «Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила добровольного притяжения к такой республике трудящихся масс всех наций».³¹

Итак, по Ленину – либо аннексии и распад страны, либо республика Советов. Третьего не дано.

Как для первого, так и для второго варианта возможного решения ключевым, помимо «советов», являлось ещё и такое понятие, как «аннексия». Насильственное присоединение или удержание какой-либо территории. Понятие, которое вот уже почти год не сходило с уст руководителей (как стран Антанты, так и Центральных держав). Стало расхожим оно и для членов Временного правительства. Все они без исключения дружно отреклись от «аннексий», предлагая взамен её «самоопределение».

Своё представление и об аннексии как таковой, и о том, как же относиться к ней при начавшемся распаде России, Ленин выразил 17(30) апреля на заседании солдатской секции Петросовета, при ответе на вопрос о судьбе Курляндии. Фактически аннексированной Германией, но в то же время постановлением Временного правительства объявленной составляющей нового территориально-административного образования – Латвии, неразрывной и неотъемлемой части страны.

Отношение Ленина к бесспорному с правовых позиций курляндскому вопросу оказалось, мягко говоря, весьма своеобразным. Ведь основывалось оно не на собранных им самим специ-

ально исчерпывающих данных, нет. Под влиянием лишь отрывочной информации, случайно почерпнутой из швейцарских, немецких да французских газет, далёких от объективности. Ещё бы, идёт война!

– Отвоевание Курляндии, – пренебрегая даже видимостью логики, толковал Ленин солдатам, не желавшим ехать либо возвращаться на фронт, – аннексия, так как в таком случае Германия имеет право на отвоевание своих колоний. Нужно предоставить право народу самому решать, как он хочет жить... Воевать за Курляндию не стоит, но стоит воевать за свободное решение Курляндии присоединиться, куда она хочет.³²

Так какой же путь из двух намеченных Лениным следовало избрать большевикам? Первый ли – с Временным правительством, довольствуясь достижениями буржуазно-демократической революции, которые закрепит Учредительное собрание? Но в таком случае последует неизбежный распад России и от неё сохранится ничтожнейшая часть, чуть больше Московского княжества первой половины 16 века. Или второй путь – дальнейшее развёртывание революции с установлением республики Советов, единственное, что и позволит, по мысли Ленина, сохранить целостность страны. Более того, послужит и достижению следующей цели – победе пролетариата если не сразу во всём мире, то для начала в Европе. Иначе зачем слова и о «более крупном государстве», и о не названных «всех нациях»...

Сталин прежде никогда не связывал напрямую единство России с победой мировой революции. Не видел никакой зависимости между ними. Потому и оказался перед сложной лично для него моральной дилеммой. Открыто не согласиться с Лениным, решительно отстаивая собственную оценку событий и прогнозируя их развитие, внося тем самым смуту в и без того далеко пока не стройные партийные ряды в наиболее ответственный момент. Либо, скрепя сердце, признать хотя бы на словах правоту человека, перед которым он всегда преклонялся, забыв на время о своих убеждениях, принципах.

Выбирать Сталину предстояло вместе со всей партией. На её Всероссийской конференции, открывшейся 24 апреля (6 мая). Впервые проходившей в стране открыто, легально.

Форум большевиков собрал 149 депутатов, представлявших (но только по ничем не подкрепленным словам председателя мандатной комиссии Г.И. Бокия) 79 тысяч членов партии. Притом половину их составляли организации всего четырёх промышленных районов – Петрограда, Москвы, Урала и Донецкого бассейна. Они, как и прежде, в период подполья, по всем без исключения вопросам имели собственные взгляды. Потому-то поначалу отказались принять как абсолютно верные положения, изложенные Лениным в первом же, основополагающем и ключевом докладе – «О текущем моменте». Сводившиеся к одному-единственному, по сути, требованию: Советы рабочих и солдатских депутатов должны незамедлительно взять всю власть в свои руки. Потребовали содоклада одного из лидеров партии Каменева, настаивавшего на ином: «рано говорить, что буржуазно-демократическая революция исчерпала все свои возможности».³³

И всё же, Ленину, но только благодаря настойчивой поддержке Зиновьева, удалось убедить депутатов в своей правоте. Добиться от них полной поддержки всех им предложенных резолюций. И о переходе власти к Советам, и о незамедлительной конфискации всей помещичьей земли и её национализации, и об отказе в поддержке Временного правительства. Совершенно иначе прошло девятое заседание, вечером 29 апреля (11 мая), на котором обсуждали поставленный отдельно в силу значимости и злободневности национальный вопрос.

Выступал по нему докладчиком Сталин. Уже не просто делегат конференции, но член ЦК, избранный утром того же дня с третьим по поданным голосам результатом. В.И. Ленин получил 104 голоса, Г.Е. Зиновьев – 101, И.В. Сталин – 97, Л.Б. Каменев – 95, В.П. Милютин – 82, В.П. Ногин – 76, Я.М. Свердлов – 71, И.Т. Смилга – 53, Г.Ф. Фёдоров – 48.

Выходя на трибуну, Сталин уже принял решение. Он знал, как ему поступить. Не стал полемизировать с Лениным, вроде бы проигнорировав его высказывания. Начал речь с самого

простого примера, не должно вызвать разногласий. Впервые прямо назвал ту область, с отделением которой от России полностью соглашался, даже всячески поддерживал.

– Первый вопрос, – обратился Сталин к депутатам, – как устроить политическую жизнь угнетённых наций? На этот вопрос следует ответить, что угнетённым народам, входящим в состав России, должно быть предоставлено право самим решать вопрос, хотят ли они оставаться в составе Российского государства или выделиться в самостоятельное государство. Сейчас перед нами конкретный конфликт между финляндским народом и Временным правительством. Представители финляндского народа, представители социал-демократии требуют от Временного правительства возвращения народу тех прав, которыми он пользовался до присоединения к России. Временное правительство отказывает в этом, не признавая финляндский народ суверенным. На чью сторону мы должны стать? Очевидно, на сторону финляндского народа, потому что немыслимо признание насильственного удержания какого бы то ни было народа в рамках единого государства. Выставляя принцип права народов на самоопределение, мы поднимаем тем самым борьбу против национального гнёта на высоту борьбы против империализма, нашего общего врага.

Отдав, таким образом, неременный долг генеральной идее марксизма, Сталин поспешил вернуться к своей.

– Вопрос о праве наций на самоопределение, – преднамеренно и настойчиво повторяясь, продолжил он, – непозволительно смешивать с вопросом об обязательности отделения наций в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки.

Признавая за угнетёнными народностями право на отделение, право решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, должны ли в данный момент отделиться такие-то нации от Российского государства. **Я могу признать за нацией право отделиться, но это ещё не значит, что я её обязал это сделать** /выделено мной – Ю.Ж./...

С нашей стороны остаётся, таким образом, свобода агитации за или против отделения, в зависимости от интересов пролетариата, от интересов пролетарской революции... Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России...

Я думаю, что девять десятых народностей после свержения царизма не захочет отделиться. Поэтому партия предлагает устройство областных автономий для областей, которые не захотят отделиться и которые отличаются особенностями быта, языка, как, например, Закавказье, Туркестан, Украина. Географические границы таких автономных областей определяются самим населением сообразно с условиями хозяйства, быта и проч.

Сталин достаточно хорошо понимал; необходимо предложить не только цель – целостность страны, но и то, каким же образом обеспечить её. И потому поспешил воспользоваться самым естественным и простым. «Мы должны, – сказал он, заранее уверенный в единодушной поддержке, – ещё решить вопрос, как организовать пролетариат разных наций в одну общую партию... Практика показала, что организация пролетариата данного государства по национальностям ведёт только к гибели идеи классовой солидарности. **Все пролетарии всех наций данного государства организуются в один нераздельный пролетарский коллектив**»

³⁴ /выделено мной – Ю.Ж./.

Ещё в ходе выступления Сталин зачитал подготовленный им проект резолюции по национальному вопросу. Проект, оказавшийся на редкость эклектичным, чисто механически соединившим ультрареволюционные идеи Ленина и его собственные, по сути, государственнические. Зато позволивший выйти из невероятно сложного положения, в котором он оказался на конференции как делегат, да ещё и член ЦК.

«За всеми нациями, – провозглашал проект, – входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и образование самостоятельного государства». Затем

следовало то, что должно было послужить подтверждением данного постулата: «Конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и русским Временным правительством, особенно наглядно показывает, что отрицание права на свободное отделение ведёт к прямому продолжению политики царизма».

Далее без какого-либо смыслового перехода либо логического обоснования проект фактически утверждал прямо противоположное: «Вопрос о праве на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент». Вместо подталкивания России к распаду проект Сталина вновь предлагал областные автономии, границы которых следовало устанавливать «на основании учёта самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения». Но тут же, строго по Ленину, их следовало сделать «широкими», с отсутствием «надзора сверху», да ещё и с отменой «обязательного государственного языка», что отнюдь не способствовало бы сохранению целостности России. Кроме того, необходимо было отказаться от «культурно-национальной автономии, т. е. изъятия из ведения государства школьного дела и т. п., и передачи его в руки своего рода национальных сеймов».

В заключение, как гарантию от распада страны, но формально – во имя «победоносной борьбы с международным капиталом и буржуазным национализмом» – резолюция потребовала «слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях – политических, профсоюзных, кооперативно-просветительских и т. д.».³⁵

Не удивительно, что явная противоречивость проекта вызвала острую полемику. В ней же выхлестнулись сдерживаемые полтора десятка лет – со Второго съезда РСДРП (и принявшего лозунг «право наций на самоопределение»), со времён революции 1905 года – разногласия по национальному вопросу.

Первым из оппонентов докладчика выступил делегат от Киевской организации Г.Л. Пятаков. Один из членов секции, образованной конференцией за двое суток перед тем для выработки обсуждаемого документа. Он бесцеремонно обвинил Сталина в консерватизме и идеализме. Тот, мол, поставил «вопрос чисто метафизически, говоря о воле наций, а не о воле класса», порвал с революционной линией социал-демократии Германии. Польши, Нидерландов, других европейских стран.

– В настоящее время, – сформулировал Пятаков свою позицию, – национальное государство является уже пройденным моментом, и борьба за него является в настоящее время реакционной борьбой, ибо под этим флагом будет вестись борьба против социализма.

Затем киевский делегат, которому каждодневно приходилось сталкиваться с воинствующим национализмом Центральной Рады, стал развивать свою мысль:

– В 1905 году сепаратистские движения не были так сильны, но они были революционны, а в настоящее время «национальная» буржуазия развивает эти движения как движения борьбы против социалистической революции, они стали реакционными...

– Мы против сепаратистских движений, против лозунга национальных государств, и ведём борьбу против таких движений. Раз это так, то «право наций на самоопределение» теряет реальную почву под ногами, является бессодержательным...

– Все социал-демократии ведут определённую борьбу против насильственного удержания наций в пределах государства российского, но это ещё не значит, что если мы ведём такую борьбу, то мы видим в праве наций на самоопределение положительный лозунг...

– Товарищ Сталин говорил, например, что он лично против отделения татар /подразумевалось высказывание о Закавказье – Ю.Ж./ . Но политическая партия не может полагаться на то, что каждый отдельный товарищ будет высказывать своё личное мнение...

– Мы должны иметь конкретную формулировку того, что мы хотим, а не ограничиваться формулировкой абстрактного права на самоопределение, формулировкой, способной сыграть на руку мелкобуржуазной реакции.³⁶

От имени семерых из девяти членов секции Пятаков и предложил иной вариант проекта резолюции. Во многом схожий с прочитанной Сталиным. Та же областная автономия с теми же её характеристиками, тот же отказ от культурно-национальной автономии. Но всё это – **во имя предотвращения «раздробления крупных государственных образований на мелкие национальные государства»** /выделено мной – Ю.Ж./ Однако действенным средством такого решения проблемы «семёрка» сочла не единую партию, а социалистическую революцию под новым, привлекательным для многих радикальным лозунгом «Долой границы!». И предложила отказаться даже от упоминания «права наций на самоопределение».³⁷

Такого Ленин стерпеть не смог. Ринулся в бой, но не столько для критики высказанного Пятаковым, сколько того, о чём умолчал Сталин, но подразумевал, вынудив высказаться семерых. Открыто поставить вопрос – должна ли Россия оставаться наднациональным государством или стать чисто национальным, сохранив в своих границах территорию, населённую лишь русскими.

– Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии? – патетически воззвал Ленин к делегатам конференции.

В пылу спора он «забыл» о Британской, Французской, Германской империях, которые в своих колониях угнетали несоизмеримо большее число народов. «Забыл», что о Польше речи не могло и быть, ибо полгода она фактически являлась независимой от России. Да и Финляндия, как бы Временное правительство не пикировалось с сеймом, находилась буквально накануне обретения полного суверенитета.

– Надо в России налегать на свободу отделения угнетённых наций, а в Польше подчёркивать свободу соединения, – упорно толковал всё об одном и том же Ленин. Уповал же на весьма призрачную классовую солидарность да на силу своей диалектики. И продолжал настаивать на чреватом страшными последствиями:

– Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист...

– Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская Республика и Российская Республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, если у нас будет республика Милюкова, то отделятся...

В выступлении Ленина не хватало лишь одного. Объяснения, что же общего между независимой Польшей, автономной более ста лет Финляндией и той неопределённой территорией, которую вслед за Центральной Радой он называл Украиной.

Столь же резким, категоричным в суждениях оказался и Дзержинский, поддерживавший Пятакова:

– Речь товарища Ленина меня не убедила. В его речи не было того ответа, какой товарищ должен был бы дать. Я скажу, что если товарищ Ленин упрекает польских товарищей в шовинизме, то я могу его упрекнуть в том, что он стоит на точке зрения польских, украинских и других шовинистов. Не знаю, что лучше...

– Товарищ Ленин сказал, что русские должны быть по отношению к сепаратистскому движению совершенно нейтральны, а польские социал-демократы должны с ним бороться. Какая это социал-демократическая точка зрения? Наши позиции должны быть одинаковыми...

– В каждом конкретном отдельном случае надо проанализировать, какие силы двигают и питают сепаратистское движение, и в каждом отдельном случае надо дать определённый ответ. И когда польские рабочие ждут от вас определённого ответа, каким образом решить финляндский вопрос, польский, украинский, вы отвечаете – правом наций на самоопределение. Значит, вы определяете их волю? А что такое нация? Разве нация есть нечто единое?

– Почему подняли голову сепаратистские стремления в своих углах? Дали ли вы в резолюции /Дзержинский отлично понимал, кто является истинным автором документа – **Ю.Ж./** анализ этому движению? Почему именно теперь оно разразилось?

– Построение в настоящий момент (национальных) границ есть стремление к классовому господству... Наша сила, сила рабочего класса, заключается в том, что наше хозяйственное целое объединяет весь мир, нас всех объединяет уничтожение границ...

– Наш конкретный ответ: национальный гнёт может быть уничтожен только при полной демократизации государства борьбой за социализм. Сепаратистские же стремления есть стремления борьбы с социализмом. Мы конкретно высказываемся против права наций на самоопределение...

Дзержинского попытался опровергнуть Зиновьев. Со столь же чисто теоретических, как и Ленин, позиций марксизма, весьма далёких от российской действительности. Возражал не по существу – просто играл терминами. Но, главное, как и Ленин, подгонял всё к достижению заветной цели – победе мировой революции:

– Человек, который ставит вопрос так, как Пятаков, стоит на точке зрения национализма... Именно потому вопрос национальный ставится в такой острой форме, что он осложняется вопросом о колониях. Мы должны стоять за самоопределение, за право на отделение. Поскольку мы говорим о колониях, мы ставим этот вопрос в связи с империализмом...

– Социалистическая революция будет складываться из целого ряда конфликтов, столкновений в самых различных областях. Мы видим, что в ходе этой войны в нашу революцию приходят много других моментов, в особенности, национальный. Мы видим, например, частые восстания французских колоний в Африке...

– Для того чтобы усилить, разжигать социальную революцию, для того, чтобы поднять весь Восток, чтобы поднять угнетённые народы на помощь мировой революции, мы должны дать такой ответ: «прочь империалистов из колоний, и притом без всякого выкупа». Так мы ставим вопрос о социалистической революции!

Делегат Тифлисской организации Ф.М. Махарадзе попытался вернуть участников конференции из горних высей мировой революции, проблем африканских и азиатских колоний на землю. Российскую:

– Национальный вопрос – вопрос в высшей степени сложный, запутанный и вместе с тем серьёзный. К сожалению, я должен сказать, что конференция не имела возможности в должной мере осветить этот вопрос. Но, с другой стороны, я глубоко убеждён в том, что конференция не примет поспешного решения ввиду того, что этот вопрос в той плоскости, в какой он здесь поставлен товарищами Лениным и Зиновьевым, в легальной прессе до сих пор ещё не обсуждался...

– Разве из принципа «признание прав наций на самоопределение» само собой вытекает всё, что только можно предположить, и прежде всего полное политическое отделение известного народа от государства, которому он подчинён? И вот я и говорю, что такое именно понимание в настоящее время является для нас совершенно неприемлемым. По крайней мере, для тех, которые являются представителями именно этих мелких угнетённых национальностей...

– В настоящее время нам предлагают решить национальный вопрос в такой плоскости: установление признания права нации на полное отделение от государства без всяких оговорок... Товарищи, выдвигающие это требование, не могут, однако, последовательно его отстаивать. Они говорят: «установление этой формулы ещё не означает полного отделения...» Я прошу вас вдуматься в это второе положение. Разве оно вытекает из первого? Ничего подобного. Под вторым положением я подписываюсь обеими руками...

– В той части резолюции, где рассматривается абстрактное голословное положение, резолюция товарища Сталина теряет свою убедительность. Это положение является камнем преткновения...

– Хорошо провозглашать общие лозунги, но прежде следовало бы подумать о том, как их проводить в жизнь. Мы теряем почву под ногами, под нами будет подрублен тот сук, на котором мы сидим...

– Если мы обещаем (независимость) Финляндии, почему мы не будем обещать Украине, татарам, грузинам и т. д.? Что же тогда получится? У нас получится настоящее столпотворение, получится такая каша, которую трудно будет расхлебать. Поэтому я просил бы товарищей, чтобы они не принимали поспешного решения по этому вопросу...

– Единственное правильное решение национального вопроса – это самая последовательная демократизация общественного строя. Национальное государство в настоящее время относится к прошлому, а не к будущему.³⁸

И всё же Ленин с Зиновьевым сумели убедить делегатов конференции в своей, а не чьей-либо, правоте. Настояли на своём, добились утверждения резолюции, предложенной Сталиным (или Лениным?), 56 голосами при 16 высказавшихся против из 18 воздержавшихся.

3. Кануны

В те самые дни, когда большевики столь безуспешно обсуждали национальный вопрос, произошло то, чего и следовало ожидать. Возвестившее об очень близком, неумолимо приближавшемся распаде России. Её фактическом разделе – по воле сепаратистов, исходивших из ставшего пресловутым «права наций на самоопределение». Началось непредвиденное – ни Лениным с Зиновьевым, ни пошедшими за ними делегатами конференции.

29 апреля «Петроградская громада» – всего лишь столичное землячество украинцев – получила для вручения Временному правительству документ вызывающего содержания – «Памятную записку об областном управлении украинских губерний». Подписанная членами Центральной Рады А. Лотоцким, П. Зайцевым и А. Шульгиным, она демонстрировала нарочитое пренебрежение интересами страны. В отличие от латышских и эстонских националистов, пока удовлетворившихся административным размежеванием да полученным самоуправлением, киевские потребовали не более и не менее как изменить государственное устройство России. Коренным образом и немедленно.

«Организовать управление страной, – настаивал меморандум, – можно лишь на основе государственной децентрализации, построенной, притом, по национально-территориальному принципу». Иными словами, в разгар войны, пусть народ и стремился к её скорейшему прекращению, следовало приступить, не дожидаясь созыва Учредительного собрания и его решений, к созданию федерации. Тем самым разрушить страну, действуя в интересах только противника – Германии и Австро-Венгрии. Турции.

Стремлением расчленив Россию Центральная Рада не ограничилась. Жаждала контрфронтации, загодя отвергая всё то, что могло бы послужить основой возможных переговоров с Временным правительством о границах автономии. «Для украинских губерний, – безапелляционно утверждал меморандум, – необходимость областного самоуправления выступает с особенной силой **независимо от живущих в крае исторических и национальных традиций** /выделено мной – Ю.Ж./.

Такая формулировка была использована в документе далеко не случайно. Под «Украиной» Центральная Рада понимала отнюдь не Волынскую, Подольскую, Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. Территорию, издавна сложившуюся из земель как воссоединённых с Россией в 1654 году, так и присоединённых при разделах Польши в 1793 и 1795 годах, почему и обладавших экономической, бытовой и языковой общностью.

Для Центральной Рады только Юго-Западный край показался слишком маленьким, и она без каких-либо обоснований предъявила права ещё и на Херсонскую, Екатеринославскую губернии – Новороссию, завоёванную у турок «Россией во второй половине 18 века и тогда

же колонизованную переселением туда русских, украинцев, немцев, сербов, болгар, греков. Сочла Рада своей и Харьковскую губернию с абсолютным преобладанием русских, с самого начала её заселения, на рубеже 16–17 веков, принадлежавшую России как Слободская Украина (окраина).

А далее при раскрытии понятия «Украина» следовало вообще маловразумительное. Притязания на «прилегающие части» (почему-то без указания конкретных уездов, как то было в случае с Лифляндией и Эстляндией) Таврической, Воронежской и Бессарабской губерний и даже... на Кубанскую область.

Всё это убедительно демонстрировало, что федерализация России на основе столь непомерных желаний вполне может привести не только к территориальным, но и межэтническим конфликтам.

Претендуя на контроль над огромной территорией, киевские сепаратисты вроде бы изъявили готовность поделиться ещё не обрётённой властью. «Организацию общественной жизни, – поясняли они, – легко могла бы взять на себя Центральная Рада». Пригрозив тем, авторы меморандума тут же как бы шли на уступку: «Сохраняя за собой руководство национальной жизнью края. (Рада) полагает необходимым организовать областное управление при помощи специально избранного коллектива/областного совета – **Ю.Ж./**, облечённого надлежющими от Временного правительства полномочиями». Вместе с тем, Центральная Рада милостиво соглашалась принять у себя присланного из Петрограда областного комиссара.

Завершался же меморандум ультиматумом, форма которого была бы уместна лишь при дипломатической переписке двух независимых стран. Отказ от предложенного в документе, предупреждали его авторы, приведёт к «значительным осложнениям в настроении украинских общественных кругов и народных масс, которые получили бы основание для неблагоприятных выводов об отношении Временного правительства к украинской народности и её ближайшим интересам».³⁹

Премьер Львов на шантаж не поддался. Оставил «Памятную записку» без внимания. Потому и не оставалось сомнений в том, что правительство не только не признаёт Центральную Раду, но и решило просто не замечать её существования. Однако такая реакция властей не обескуражила киевских сепаратистов. Они не отказались от своих далеко идущих намерений. Лишь изменили тактику.

Руководство Рады понимало: ему пока не найти достаточно широкой поддержки в городах. Ведь там преобладали русские и поляки. Да и на селе чаяли не «широкой автономии», а более прозаических земли и мира. Оставалось одно – опереться на «человека с ружьём». На солдат, прежде всего, запасных полков, отнюдь не горевших желанием оказаться в окопах, под вражескими пулями и снарядами. Вот от их-то имени и был собран 5(18) мая в Киеве так называемый Украинский войсковой съезд. Собрание тех, кто готов был поддержать любого, кто избавил бы их от отправки на фронт.

Президиум съезда преднамеренно образовали по принципу непартийному, но некоего представительства. От «армии» – С.В.Петлюра, помощник главного интенданта Западного фронта от Объединенного комитета Земского и Городского союзов. От «тыла» – Н. Михновский, давно известный своими шовинистическими заявлениями провинциальный политик. От Первого украинского полка им Б. Хмельницкого – его командир полковник Ю. Капкан. И от Центральной рады – писатель В.К. Винниченко. Сообща им и удалось предельно просто добиться принятия в последний день работы съезда, 8(21) мая, именно такой резолюции, которая позволяла продолжить давление на власть.

Разумеется, прежде всего в документ включили старые, не раз выдвигавшиеся положения. По смыслу – основополагающие.

«Украинский войсковой съезд, – отмечалось в первом разделе резолюции, – считает необходимой потребностью требовать от Временного правительства и Совета рабочих и сол-

датских депутатов немедленного провозглашения особым актом принципа национально-территориальной автономии Украины». Вслед затем Центральная Рада была объявлена «единственным компетентным органом, призванным решать все вопросы, касающиеся Украины в целом и её отношения к Временному правительству». Настойчиво подчёркивалось: «на мирной международной конференции была представлена Украина в лице своих депутатов от организованного украинского народа во всей СВОЕЙ совокупности» /видимо, включая население австрийских Восточной Галиции и Буковины – **Ю.Ж./**.

Включила резолюция и неперенные в те дни популистские лозунги. Пообещала украинцам землю – но после Учредительного собрания, и мир – только после победы. Но главным её содержанием стало иное. Совершенно новое требование, изложение которого заняло более половины текста документа. Раздел «Об украинизации армии»:

«Съезд признаёт немедленную национализацию армии на национально-территориальном принципе. В частности съезд объявляет необходимость украинской национальной армии. В этом деле съезд признаёт: а) что в существующих военных единицах в тыловых частях все украинские воины, как офицеры, так и солдаты, должны быть немедленно выделены в отдельные части; б) в военных единицах на фронте выделение должно производиться постепенно, в зависимости от тактических и других военных условий, постольку поскольку такое выделение не будет вносить дезорганизацию на фронтах.

Что касается флота, то съезд по тем же мотивам считает возможным и необходимым: а) в Балтийском флоте скомплектовать некоторые корабли исключительно из команд украинской национальности; б) что касается Черноморского флота, то принимая во внимание то обстоятельство, что этот флот и в настоящее время состоит в подавляющем большинстве из украинцев, съезд признает необходимым в дальнейшем пополнять его исключительно украинцами.

Для практического осуществления принятых постановлений Украинский войсковой съезд решает создать временный Украинский Войсковой Генеральный Комитет при Центральной Украинской Раде, который будет вести украинскими военными делами и работать в тесном контакте с российским Генеральным штабом».⁴⁰

Это был вызов, не ответить на который Временное правительство не могло. Тем более что в Петроград неделю спустя прибыла делегация Центральной Рады, включавшая обоих заместителей её председателя, В.К. Винниченко и С.А. Ефремова, а также представителей краевых националистических объединений и организаций – украинских партий, социал-демократической, социалистов-революционеров, социал-федералистов, Крестьянского союза, только что образованного Войскового Генерального Комитета.

16(29) мая они посетили Г.Е. Львова и вручили ему новый вариант своих домогательств. Весьма возросших, по сравнению с теми, что содержались в «Памятной записке», и изложенных в более категорическом тоне. Правда, не включавших оказавшимися слишком болезненными вопросы о границах края:

«1. Ввиду настойчивого и единодушного требования автономии Украины, выставляемого украинской демократией, от Временного правительства ожидается выражение в том или ином акте принципиально-благоприятного отношения к этому лозунгу...

3. Для всестороннего осведомления правительства о настроениях на Украине и потребностях украинского населения, а равно и для практического содействия правительству в проведении различных мероприятий, вызываемых особенностями жизни края, необходимо учредить при Временном правительстве должность особого комиссара по делам Украины.

4. Для объединения правительственных мероприятий во всех губерниях с украинским населением требуется учреждение на Украине должности особого комиссара с областным при нём советом».

Повторила Рада в «Записке» и положения, только что утверждённые Войсковым съездом:

«2. Неизбежность постановки украинского вопроса на международной конференции в связи с судьбой Галичины и частей украинской территории, занятой германцами, вынуждает ныне же принципиально решить в положительном смысле вопрос об участии в этой конференции представителей украинского народа, ибо такое участие требует немедленно предпринять подготовленные практические шаги по сношению с зарубежной Украиной...

5. В интересах поднятия боевой мощи армии и восстановления дисциплины необходимо проведение в жизнь выделения украинцев в отдельные воинские части как в тылу, так, по возможности, и на фронте».

Требованиями прямого участия, пусть и по весьма узкому кругу проблем, во внешнеполитической деятельности страны и создания собственной национальной армии делегация не ограничилась. Сочла возможным ещё и настаивать на финансировании нескрываемо сепаратистской работы:

«8. Для удовлетворения национально-культурных потребностей, подавленных при старом режиме, необходимо предоставить из Государственного казначейства в распоряжение Центральной Рады соответствующие средства».

Последним же пунктом делегация решила добиться фактической реабилитации лиц, высланных из края за проавстрийскую пропаганду, а также сосредоточить на подконтрольной Раде территории австрийских пленных – украинцев:

«9. Необходимо разрешить выезд на родину тем зарубежным украинцам, которые неправомерно выселены из мест своего постоянного жительства, а также облегчить участь пленных украинцев галичан, разместив их в украинских губерниях».⁴¹

На этот раз премьер не уклонился от обсуждения, но и не стал с ним торопиться. Передал записку с требованиями Рады по принадлежности – заместителю министра внутренних дел Д.М. Шепкину, который и подготовил ответ, опубликованный 2(15) июня в «Вестнике Временного правительства» как официальный документ:

«Все вопросы, связанные с автономией как Украины, так и других местностей государства, могут быть разрешены лишь Учредительным собранием».

Тем временем к пока довольно осторожным, по сравнению с украинскими, просьбам Ревеля, Риги, Тифлиса о предоставлении им автономии, прибавилась более серьёзная, настоятельная. Из Елизаветполя (Гянджи), губернского центра, населённого, в отличие от соседнего Баку, исключительно азербайджанцами. Там ещё 15(28) апреля состоялся Учредительный съезд Тюркской партии федералистов. Её же программа как основную задачу поставила осуществление:

«1. демократической республики на национально-территориально-федеративных началах вообще и в России в частности; 2. территориальной автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии; а также: 3. национальной автономии поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей».⁴²

А три недели спустя те же цели подтвердил и прошедший в Москве Всероссийский мусульманский съезд. Он постановил «признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах, причём национальности, не имеющие определённой территории, пользуются культурной автономией».⁴³

Ставшие общими и господствующими представления политиков национальных окраин о будущем устройстве страны обязательно как федерации подводили к неизбежному. К признанию властью многочисленных автономий. Но автономий, если судить по требованиям финского сейма и Украинской Центральной Рады, всего лишь как вынужденного компромисса. Как промежуточной стадии при переходе России от былой унитарности к возникновению на её месте множества независимых государств. Пусть не сразу, через несколько лет, но непременно.

Такая ситуация требовала от Временного правительства и ведущих общероссийских партий срочного принятия решений.

О самых жёстких мерах по отношению к наиболее рьяным сепаратистам. И о том, какой же России быть после Учредительного собрания, на котором депутаты-националисты вполне могли оказаться в большинстве. Однако почти все, кто и являлся властью – партии, представленные во Временном правительстве, ставшем с 6(19) мая коалиционным, включавшем шесть министров эсеров и меньшевиков, – опьянённые воздухом революции, воздухом никогда прежде не испытанной свободы, продолжали видеть всё в розовом свете.

Полное непонимание происходившего продемонстрировало правое крыло социал-демократии – меньшевики всех групп и организаций. Делегаты её объединительной конференции, проходившей в Петрограде с 7(20) по 12(25) мая, не стали вникать в сущность национального вопроса. Судя по результатам, ограничились повторением давнего положения, внесённого в программу РСДРП ещё в далёком 1903 году. Без дискуссий, споров включили в свою новую предвыборную программу то, что сочли необходимым для новой России:

«Широкая политическая автономия для областей, отличающихся как национальными и этнографическими, так и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями. Границы этой автономии и взаимоотношения между автономными областями устанавливаются Учредительным собранием, причём российский пролетариат будет отстаивать условия, обеспечивающие единство и успешность классовой борьбы и наиболее благоприятствующие развитию производительных сил как отдельных областей, так и России в целом».⁴⁴

Словом, не предложили ничего отличного от резолюции большевиков. Лишь отказались от прямого упоминания права наций на самоопределение, но исходили из него, да оставили все конкретные решения за Учредительным собранием.

Практически ту же по содержанию резолюцию принял и Третий съезд самой многочисленной и популярной тогда партии, социалистов-революционеров. Только – в силу заботы исключительно об интересах крестьянства – исключили из неё упоминание о единстве пролетариата России. Единодушно, даже без какого бы то ни было обсуждения, высказались «за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России».⁴⁵

Только кадеты, переименовавшие себя в партию народной свободы, заняли отличную от прочих позицию. Выступая 9(22) мая при открытии Восьмого съезда, П.Н. Милюков признал: во внутренней политике перед страной стоят «два вопроса – аграрный и национальный». Однако прежде всего остановился на национальном.

«Задачи широкой децентрализации страны, – признал он, – сейчас ставятся шире, чем они ставились раньше, и партия народной свободы попытается найти решение, которое, давши возможность местностям России создать у себя местную автономию на началах местного законодательства, в то же время **не разрушили бы государственного единства России. Партия народной свободы для настоящего момента не считает правильным разрешение вопроса в смысле организаций национально-территориальных, но ОНА не исключает возможность для существующих исторических территориальных делений (губерний) впоследствии искать для себя путь к объединению, где соседние территориальные единства /губернии – Ю.Ж./ населены одинаковыми народностями, и даже к соответственному изменению границ**»⁴⁶ /выделено мной – Ю.Ж./.

Так обнаружилось если не полное тождество, но необычайная близость взглядов Милюкова и... Сталина. Людей, представлявших не только противоположные, но и предельно враждебные политические партии. Первый – по принятой тогда терминологии – буржуазную, второй

– социалистическую. Объединило же их, но лишь при подходе к национально-территориальному вопросу, только одно – забота о целостности страны. То, о чём почему-то почти все забыли.

Правда, Милуков, впрочем, как и Сталин, не стал углубляться в тему. Предоставил возможность аргументировано, теоретически обосновать собственную позицию Ф.Ф. Кокошкину Своему старому соратнику и бессменному члену руководства партии, блестящему зна托ку права – в прошлом приват-доценту Московского университета. А ещё и автору брошюры «Автономия и федерация», только что изданной как материал для обсуждения на съезде.

Кокошкин же в докладе напрочь отказался от любых недомолвок. Начал с категорического утверждения, что такие понятия, как национально-территориальная автономия и федеративное устройство государства никоим образом не взаимосвязаны, не обуславливают друг друга. Напомнил общеизвестные факты. Существующие федерации – Швейцария, Соединённые Штаты Америки, Южно-Африканский Союз – построены отнюдь не по национальному признаку. Более того, даже отвергают его. Вместе с тем, такие полиэтнические страны, как, к примеру, Бельгия, являются унитарными государствами.

Только затем Кокошкин выдвинул веские возражения против превращения России в федерацию, о какой грезил политики окраин. Прежде всего, подчеркнул докладчик, препятствует такому административному преобразованию «крайняя неравномерность численности всех национальностей, неравномерность занимаемой ими территорий». Обращаясь как к читателям брошюры, так и к участникам съезда, задал риторический вопрос – какой же оказалась бы Россия, став федерацией? И сам же ответил:

«В неё вошла бы Великороссия в количестве около 80 миллионов населения, Украина – я не настаиваю на точных цифрах, а беру грубо-приблизительно – в количестве 25–30 миллионов населения, а затем ряд средних и мелких национальностей, включительно до самых мелких, насчитывающих лишь несколько сот тысяч членов в своей среде... Тут прежде всего возникает вопрос о той компетенции /правах – **Ю.Ж./**, которая должна принадлежать составным частям этой федерации – национально-территориальным автономным штатам». И обозначил все возможные юридические решения.

Первое – если «будет принят масштаб провинциальных автономий компетенций составных частей федерации». Но это явно не удовлетворит более крупные национальные группы. Второе – «если в пределах федерации для каждой составной части России компетенцию отмерить широко, как это соответствовало бы величине наиболее крупных национальностей, то, надо сказать, компетенция центральной власти оказалась бы сведённой почти к нулю».

«Можно, – продолжал рассуждать Кокошкин в присущей ему академической манере, – отмерить компетенцию составных частей России неравно, можно большим национальностям дать широкие права автономии, а мелким... узкие». И тут же пояснил, что тогда всё зайдёт в «государственно-правовой тупик».

«Если, – продолжал Кокошкин, – крупным национальностям будут отмерены широкие права, то тем самым крупные национальности будут решать обособленно, независимо друг от друга, у себя дома целый ряд важнейших дел, а меньшие национальности таких важнейших дел у себя дома решать не будут, и эти важнейшие дела мелких национальностей будут подлежать рассмотрению общегосударственного парламента... Но тогда мы будем иметь самую чистую и одиозную форму опеки крупных национальностей над мелкими».

«Тем самым, – пояснил Кокошкин, – будет отвергнут самый существенный принцип федерации – равное участие её составных частей в управлении государством».

Рассмотрел докладчик и ещё один, четвёртый по счёту вариант построения федерации. Тот, при котором всем автономиям предоставлялись бы равные права. Рассмотрел детально и тут же категорически отверг из-за полной его несостоятельности. «Мыслимо ли это дело, – воскликнул он, – чтобы в решении важнейших государственных дел восьмидесятимиллион-

ный великорусский народ имел такой же голос, как любая национальность, насчитывающая несколько сот тысяч членов? Это, конечно, немыслимо. И такая федерация была бы заранее осуждена на смерть с самого своего начала».

Казалось, Кокошкин разобрал уже все возможные варианты переустройства страны на национально-территориальных началах. Но нет, привёл пример ещё одного, наиболее опасного, по его мнению, и потому неприемлемого, как и все остальные. Тот, при котором предполагалось одновременное введение как национально-территориальной, так и ПРОСТО территориальной автономии. «По этим планам, – объяснил правовед, – великорусская национальность должна распасться на целый ряд автономных областей/он подразумевал Урал, Сибирь и т. д. – **Ю.Ж./**, а Литва, Украина, Белоруссия и другие должны составить целые этнографические объединённые единицы». И заключил: «этот план практически неосуществим».

Продолжая анализ, докладчик подытожил: «Разделение России по национальному признаку логически ведёт в лучшем случае не к федерации, а к так называемому союзу государств, к конфедерации... свободному союзу суверенных государств, соединённых на началах международного договора». Только потом подвёл окончательный итог: «Если бы **конфедерация народностей** и была осуществлена в России, нужно ПРЯМО сказать, что она ведёт к **распадению России, к разрушению государственного единства, и образованию союза самостоятельных национальных суверенных государств**» – /выделено мной – **Ю.Ж./**.

Не забыв об уже возникших непримиримых разногласиях из-за разграничения национальных областей, предупредил: «эти междунациональные споры... могут дойти, может быть, даже до вооружённого столкновения».

Однако не следует считать, что в выступлении Кокошкин лишь отвергал всё, на чём только ни настаивали политики окраин.

Предложил он и позитивный план. Да, воспользоваться идеей **автономии**, но «совершенно иного типа, **чисто территориальной, поставленной в зависимость от всей совокупности экономических, этнографических, бытовых и других условий** /выделено мной – **Ю.Ж./**...так, чтобы губернии могли сливаться в более обширные области, если это соответствует желанию местного населения, или, напротив, разделяться на составные части».⁴⁷

В последовавших за докладом прениях все выступившие кроме двух участников съезда (от Чернигова и оккупированной Литвы) поддержали взгляды Кокошкина. Потому-то резолюция или новая редакция программы партии и закрепила следующее:

«24. Высшим территориальным самоуправляющимся союзам (губернским или областным земствам) должны быть предоставлены права провинциальной автономии (издание местных законов) в определённых сферах местной хозяйственной, культурной и национально-культурной жизни...

25. При установлении Конституции Российской Республики упомянутые уже в предыдущем параграфе права местной автономии предоставляются органам самоуправления губерний и соответствующих им территориальных делений (ныне существующих областей). Вместе с тем, Конституция должна открыть закономерный путь к удовлетворению желаний местного населения относительно слияния установленных территориальных единиц в более обширные области, разделения их на меньшие единицы и изменения их границ и компетенции».⁴⁸

4. Вызов Киева

Так, да и то лишь к середине мая, обозначились, наконец, позиции главных политических сил России по вопросу о судьбе национальных окраин. На одной стороне оказались кадеты, отстаивавшие целостность страны и потому напрочь отвергавшие её федерализацию. На другой – эсеры и меньшевики, сохранившие старую приверженность «праву наций на самоопределение». А между ними оказалась единственная оппозиционная партия, большевики. Так и

не сумев ПРИЙТИ К единому понятному мнению, в равной степени и поддерживавшие, и отвергавшие требования автономистов.

Временное правительство в силу того, что включало не только кадетов, но и эсеров с меньшевиками, так и не смогло выработать общую линию. Практически уклонилось от принятия каких-либо определённых решений. Тем самым, отдалось на волю революционной стихии, нисколько не заботясь о последствиях. И продолжало по-прежнему уповать на Учредительное собрание. Мол, оно соберётся и всё рассудит.

Между тем, стремление сепаратистов использовать исключительно в своих целях неоднозначно понимаемое центром и окраинами, ставшее одиозным «право наций на самоопределение», нарастало. Всё более и более усложняло и без того запутанную ситуацию, особенно на оккупированных Германией территориях России. Ведь толковалось такое «право» в обоих военных лагерях на собственный лад.

Хотя Временное правительство и поспешило признать независимость Польши, тем мало чего добилось. Поляки и так ещё в январе 1917 года создали в Варшаве, под эгидой Германии, правительство с премьером Я. Кухажевским. Располагали и собственными вооружёнными силами. Правда, оказавшимися по разную сторону фронтов из-за различной ориентации польских политических кругов. Под австрийскими знамёнами – тремя бригадами, сформированными полковником В. Сикорским. Под русскими – дивизией, вскоре развёрнутой в корпус, под командованием генерал-лейтенанта Ю. Довбор-Мусницкого, и под французскими – отдельной армией генерала Ю. Галлера. А потому теперь больше всего заботило поляков не столько признание уже обрётённой суверенности, сколько определение будущих границ государства.

В непомерных устремлениях обе польские политические группировки, делавшие ставку на победу как Антанты, так и Центральных держав, на востоке не собирались довольствоваться только десятью губерниями Привислинского края. Рассчитывали распространить власть ещё и на Ковенскую, Виленскую, Гродненскую и Холмскую. Тем более что они были обещаны им Берлином и Веной в самом начале войны – в надежде на поддержку. Однако весной 1917 года в планы Германии больше не входило потворствование намерениям поляков. Благо, находившиеся в Вильне лидеры местных националистических партий А. Вольдемарас и А. Сметона подали командующему Восточным фронтом принцу Макс Баварскому петицию. В ней же выражался – разумеется, от имени «всех литовцев» – категорический протест против игнорирования права наций на самоопределение. Высказывалась надежда, что Берлин поможет Литве в пределах Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний обрести независимость.

Такое пожелание, да ещё и идущее якобы «снизу», лучше всего отвечало классическому принципу «разделяй, чтобы властвовать», которому Берлин решил следовать. И потому 5 апреля участники совещания командования германской армии, на котором присутствовал представитель канцлера, поспешили использовать, скорее всего, ими же и инспирированную петицию. Признали желательным и возможным создать в границах рейха Литовское королевство. Жители его, как несколько позже объяснял начальник оперативного управления германского Генерального штаба генерал Эрих Людендорф, «могли бы сохранить под покровительством Германской Империи свою национальную самобытность».⁴⁹ Во исполнение такого замысла Макс Баварский и позволил 30 мая созвать литовский сейм.

В свою очередь, политики, заявившие, что они представляют интересы литовцев, эвакуированных из Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний вглубь России в конце 1914 – начале 1915 годов, поспешили еще 13(26) марта образовать ориентированный на Антанту собственный Национальный совет (тарибу). Он-то и созвал в Петрограде 1 июня Литовский сейм, в первые же часы работы расколовшийся на практически равные две части. 140 его участников представляли правые союзы – Национальный и Национальной свободы, партии – Христианско-демократическую и Национального прогресса. 128 участников являлись членами левых партий – Социал-демократической и Народников-социалистов (лаудининки).

Правые 4(17) июня приняли свою, бескомпромиссную сепаратистскую резолюцию. «Сейм постановил: – гласила она. – 1. Вся этнографическая Литва должна стать независимым государством, навсегда нейтральным. 2. Её нейтралитет должен быть гарантирован на международной мирной конференции. 3. На этой конференции должны принять участие представители литовского населения. 4. Образ правления во вновь образованной Литве и внутреннее её устройство должно установить созданное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительное собрание Литвы».

Левая часть сейма в тот же день сформулировала собственные, более умеренные требования.

«Будущая международная конференция, – констатировала их резолюция, – должна будет санкционировать право подчинённых народов выделиться, буде они сами того пожелают, из государств, в состав которых они входят, а выделившимся народам обеспечить международные гарантии свободного самостоятельного бытия. Вместе с тем, сейм единодушно постановил: обратиться к Временному правительству России, а также ко всем союзным и нейтральным государствам с требованием признать право литовского народа на самоопределение, разрешение своей политической судьбы в Учредительном собрании Литвы».⁵⁰

Легко заметить, что требования обеих групп Литовского сейма не очень-то разнились. И правая, и левая его фракции дружно настаивали на созыве собственного учредительного собрания, на неприменном провозглашении независимости страны, которую должна гарантировать будущая мирная конференция. Только первые заявляли о необходимости признания суверенитета Литвы незамедлительно, а вторые готовы были дожидаться окончания войны.

Ничем не прикрытый сепаратизм сразу же стал сопровождаться взаимными территориальными претензиями. Так, поляки считали своими литовские Ковенскую и Виленскую губернии, а литовцы – Сувалкскую, входившую в Привисленский край, где преобладало польское население. Мало того, обозначилась и третья сторона неизбежного, судя по всему, конфликта. Созданный 27 марта (9 апреля) в Минске Белорусский национальный комитет поспешил заявить и о своих территориальных претензиях: «Ядром /только ядром! – **Ю.Ж.**/ Белоруссии являются губернии Минская, Могилёвская, Витебская, Гродненская и Виленская».⁵¹

Однако заниматься явно бессмысленными до окончания войны распрями Временное правительство не спешило. Трезво осознавая – сначала следует освободить от неприятеля и Польшу, и Литву, и только потом выступать арбитром в спорах националистов. То же полное равнодушие проявила власть и к положению, складывающемуся в Курляндии. Там немецкая часть населения решила, как и все, воспользоваться «правом на самоопределение» и воссоединиться с фатерландом. Германское командование, давно вынашивавшее такие же планы, поддержало горячее стремление немцев оккупированной российской губернии. 30(17) мая разрешило созвать не только сейм несуществующего Литовского королевства, но и ландтаг исчезнувшего с политической карты Европы ещё в 1795 году Курляндского герцогства.

И хотя о замысленном отделении Курляндии сразу же стало известно в Риге, столица немецкие поползновения оставила без малейшего внимания. Точно так же, как и полгода назад – сообщение о создании Польского королевства. Серьёзно беспокоило Временное правительство иное, действительно могущее повлиять на положение в стране, помешать начать уже согласованное по срокам с союзниками наступление на Юго-Западном фронте. На том самом, который и намеревались взорвать, разложив и дезорганизовав, киевские сепаратисты.

Между тем, политический кризис, вот уже два месяца потрясавший Россию, перетряхнул, наконец, и Временное правительство. 5(18) мая прежде однородное, буржуазное, оно было преобразовано в Первое коалиционное – шесть министров от эсеров, меньшевиков, народных социалистов; пять – от кадетов; четверо – беспартийных. На следующий день оно выступило с официальной декларацией. С программой, которой подтверждало прежний курс власти.

«Временное правительство, – указывала, она, – твёрдо верит что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всей силой своего оружия на нас. Укрепление начал демократической армии, организация и укрепление боевой силы её как в оборонительных, так и в наступательных действиях будут являться главнейшей задачей Временного правительства».⁵²

Сочтя одну только декларацию недостаточной, наследующий день Г.Е. Львов, сохранивший пост премьера, счёл очень важным лично для себя ещё раз заверить Париж и Лондон в верности Петрограда принятым перед Антантой обязательствам. «Установившееся на фронте фактическое перемирие, – заявил он журналистам, – давшее основание германскому канцлеру высказать позорное для России предположение о возможности сепаратного мира, должно быть прекращено. Страна должна сказать своё властное слово и послать свою армию в бой». Львову вторил и новый министр иностранных дел М.И. Терещенко: «Свободная Россия должна доказать, что она верно выполнит взятое на себя обязательство объединённой борьбы и взаимной помощи».⁵³

Слова эти, более похожие на заклинание, не были лишь обещанием на будущее. В большей мере они являлись извинением за то, что уже произошло. За так и не начатое наступление русской армии весной одновременно с союзниками, которые, тем не менее, попытались прорвать «Линию Зигфрида» и вытеснить немцев с французской территории, выйдя к бельгийской границе. Франко-английские силы, надеясь на согласованную загодя поддержку на Восточном фронте, начали 9 апреля операцию, через месяц завершившуюся для них тяжким поражением. Потерей 340 тысяч человек, в том числе и 5 тысяч из состава Русского экспедиционного корпуса. Настоящим разгромом, в котором не без серьёзных оснований винули Петроград, его неспособность добиваться наиважнейшего в дни войны.

И вот теперь, уже в июне, предстояло вновь попытаться совместными усилиями всё-таки нанести решающий, окончательный удар. Принудить Германию капитулировать. Потому-то Керенский, сменивший А.И. Гучкова на посту военного и морского министра, патетически пообещал: «Я уезжаю на фронт и – я уверен – буду иметь полное основание рассеять тот пессимизм, который сейчас очень распространён даже среди некоторых начальственных лиц».⁵⁴

Керенский действительно выехал на фронт – уже 9(22) мая. Объехал его от севера до юга. Побывал в Гельсингфорсе, Риге, Двинске, Минске, Каменец-Подольске, Одессе, Севастополе. Посылал отовсюду в адрес правительства телеграммы, полные экзальтированного восторга и эйфорической уверенности. Заодно обратился к армии с воззванием, призвав её готовиться к наступлению. «Вы понесёте, – писал он выпренне, – на концах штыков ваших мир, правду и справедливость. Вы пойдёте вперёд, скованные дисциплиной долга и беззаветной любви к революции и родине».⁵⁵

На обратном пути в столицу Керенский 18(31) мая остановился в Киеве, чтобы встретиться с членами Центральной Рады. Потребовать от них в столь трудную для страны минуту отказаться от своих намерений и поддержать правительство. Не препятствовать подготовке наступления, о котором громогласно трубили все газеты.

Однако киевские националисты, чтобы укрепить своё положение в глазах общественности, схитрили. Постарались сообщить о беседе министра с Грушевским так, чтобы она выглядела как чуть ли не полная поддержка Керенского предложений Центральной Рады:

«**Керенский** заявил, что во Временном правительстве существует стремление сделать в вопросе об автономии всё, что возможно «по долгу и совести». Положение правительства осложняется тем, что ему приходится считаться с интересами и взглядами всей России. «Вы говорите о санкционировании Учредительным собранием готового факта, а мы хотели бы, чтобы Учредительное собрание положило бы начало этому факту».

Грушевский – Украинцы хотят лишь национально-территориальную автономию в федеративной Российской республике. Мы не добиваемся независимости, мы имели свою государственность. Документ о ней вырван у нас Романовыми. Мы хотим, чтобы Временное правительство провозгласило, что оно возвращает наше право на национально-территориальную автономию, а Учредительное собрание это санкционирует.

Шульгин /А. Шульгин – член Центральной Рады от украинской партии социалистов-федералистов – **Ю.Ж./** считает, что только децентрализация России может её спасти, иначе она погибнет.

Грушевский – Украинское движение не угроза для России, а твёрдая опора. На него должно опереться Временное правительство, если оно желает спасения России.

Керенский – Я вижу угрозу не в движении, а в нетерпеливости, с которой мне приходится бороться и в рядах русской демократии. Во всяком случае, я остаюсь вашим другом и сделаю всё, что будет возможно.

Грушевский указывает, что откладывать удовлетворение требований украинского народа нельзя и Центральная Рада не могла бы отвечать за последствия, если бы переданные центральному правительству желания украинского народа не были выполнены». ⁵⁶

Так выглядело содержание беседы, опубликованное еженедельником «Вестник Украинской Центральной Рады». Вроде бы обо всём – готовности Керенского удовлетворить пожелания Киева, угрозы Грушевского, но ни слова о том, что заставило военного министра сделать непредусмотренную ранее остановку в центре Юго-Западного края. Вынудило его заявить об отнюдь не благоприятном для украинских националистов – реформирование армии по национальному признаку во время войны недопустимо. Решительно выступить против всего, «что может разорвать связи между национальностями» России. Весьма твёрдо, решительно подчеркнуть – требования не только создания собственной армии, но и автономии вообще Временное правительство поддерживать не собирается. ⁵⁷

Столь резкая отповедь, данная руководству Рады, не являлась самодеятельностью Керенского, превышением им своих полномочий. К тому дню Временное правительство уже образовало Особое совещание «для выслушивания доклада представителей украинской общественности». (Весьма примечательно: даже в названии своего кратковременного органа правительство не пожелало упоминать не признаваемую им Центральную Раду!) Включило в него председателем – товарища (заместителя) министра юстиции Д.М.Щепкина, и членами от Министерства внутренних дел – С.А. Котляревского и Н.Н. Авилова, от Военного – Л.С. Туган-Барановского, от постоянного юридического совещания при Временном правительстве – Н.И. Лазаревского.

Оба заседания Особого совещания, 21 и 22 мая (3 и 4 июня) проходили в присутствии находившихся в Петрограде членов Рады В.К. Винниченко, С.А. Ефремова, Н.Н. Ковалевского. А.М. Пилькевича и П.Я. Стебницкого. По сути представляли открытую дискуссию с ними.

В первый день члены совещания «ввиду неопределённости термина «автономия» предложили делегатам Рады в дополнительной записке точно указать Временному правительству – в каких формах им представляется возможной и желательной, **не нарушающей единства государства** /выделено мной – **Ю.Ж./** автономия для Украины». Вместе с тем высказало и положительное суждение.

Согласилось с участием украинских представителей в международной мирной конференции, но лишь при обсуждении судьбы Галиции. И не стало возражать против «сношения» российских и австрийских украинцев, но только как сугубо частных лиц.

Выразили члены совещания своё мнение и по военному вопросу. В ходе обсуждения поначалу допустили в принципе «в некоторых случаях возможность выделения украинцев в отдельные воинские части». Правда, тут же отметив «технические трудности, вызываемые осу-

ществованием такой меры». Вместе с тем, категорически высказались «против формирования в настоящее время украинских полков». Мотивировали это тем, что «такая мера может не поднять, а лишь ослабить боеспособность армии». В конце концов, пришли к окончательному выводу: «совершенно недопустимо образование особой украинской армии, а равно и «украинизации» Черноморского Флота как могущих лишь ослабить боевую силу государства».

Во второй день члены совещания рассмотрели остальные требования Рады. «По вопросу о выезде на родину зарубежных украинцев», то есть возвращения в Галицию австрийских подданных, предложили обратиться в МИД, однозначно отклонили настоятельную просьбу «о размещении пленных украинцев-галичан в украинских губерниях».⁵⁸

Получив столь однозначно отрицательный ответ, Центральная Рада всё же решила настаивать на своём. Для создания же видимости того, что откровенно сепаратистские, иными словами, преступно антигосударственные требования являются якобы «общенародными», объявила о созыве второго Войскового съезда. Намеревалась на нём от имени «солдат-украинцев» уже не просить, а прокламировать и автономию, и создание национальной армии.

Ответ Керенского, на этот раз не кулуарный, а официальный, последовал незамедлительно. 28 мая (10 июня) он направил в Киев телеграмму следующего содержания: «По военным условиям считаю украинский съезд несвоевременным ввиду невозможности в настоящее время отвлекать солдат и офицеров от выполнения их прямого долга перед отечеством. Вопрос о национальных войсках спешно вносится на рассмотрение Временного правительства».

Но так как Центральная Рада отказалась выполнить данное предписание, Керенский вынужден был 1(14) июня повторить свой запрет – «Всякий солдат и офицер может осуществлять все права свободного гражданина, поскольку долг службы не препятствует этому. В настоящее время считаю долгом всякого солдата оставаться в рядах армии. Поэтому всякие обращения о разрешении съездов, не входящих в систему общевойсковой организации, вынужден отклонить».⁵⁹

Не довольствуясь приказом только военного министра, петроградские власти решили подкрепить его уже и от своего имени. 2(15) июня официоз «Вестник Временного правительства» опубликовал сообщение: «31 мая Временное правительство заслушало заявление Украинской Центральной Рады. Товарищ министра внутренних дел Д.М. Шепкин представил подробные соображения: «Все вопросы, связанные с автономией как Украины, так и других местностей государства, могут быть разрешены лишь Учредительным собранием».⁶⁰

А день спустя, 3(16) июня, последовало более обстоятельное «Правительственное сообщение об отклонении украинских требований». «Центральная Украинская Рада, – уведомляло оно, – представила правительству свои постановления о будущем устройстве Украины. Эти пожелания распадаются на три группы. Первая касается установления автономии Украины с изданием правительством особого акта принципиального значения; вторая – немедленного выделения для особого административного управления 12 губерний с украинским населением, с учреждением краевого совета и особого комиссара по делам Украины при правительстве, и третья – учреждение особого украинского войска...

Устанавливая основные положения своего постановления, правительство обратило внимание на следующие принципиальные соображения.

Возможно ли признавать Центральную Украинскую Раду правомочной в смысле признания её компетенции по выражению воли всего населения местностей, которые эта Рада желает включить в число 12 губерний, в территорию будущей автономной Украины? Так как эта Рада не избрана всенародным голосованием, то правительство едва ли может признавать её выразительницей точной воли всего украинского народа. Поэтому правительство считает, что как с формальной, так и с тактической стороны вопрос об установлении автономии Украины может решить только Учредительное собрание. Поэтому явилось бы затруднительным для правитель-

ства издание акта по этому вопросу, ибо это имело бы предрешающее значение. Кроме того, без точного определения содержания понятия автономии Украины издание такого акта повело бы к недоразумениям в территориальном и других отношениях. Отрицательное решение по вопросу об издании акта об автономии Украины принято правительством единогласно.

Точно так же правительство признало, что оно не в праве устанавливать новое административное устройство Украины и учреждать особых комиссаров, ибо это всецело подлежит компетенции Учредительного собрания.

По вопросу о самостоятельном украинском войске правительство признало возможным временное разрешение этого вопроса лишь в объёме, указанном военным министром украинским организациям в Киеве.

Вместе с тем, правительство подчёркивает, что оно признаёт национальные особенности, своеобразные условия жизни Украины и необходимость разрешения вопроса о будущем устройстве Украины, которое принадлежит Учредительному собранию». ⁶¹

Мало того, накануне премьер-министр дал интервью В.В. Шульгину, депутату 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум от Волынской губернии, теперь считавшейся «украинской», самому известному русскому националисту. Интервью, опубликованное в наиболее распространённой на юге газете «Киевская мысль» 3(16) июня и фактически повторившее всё содержащееся в «Правительственном сообщении», но в более конкретной и резкой форме.

«Отвечая на мои вопросы, – писал Шульгин, – князь Львов сказал, что правительство ни в коем случае не даст согласия на украинские притязания до Учредительного собрания. Автономия Украины – это дело всего русского народа. Временное правительство получило власть от всей нации, и взять на себя ответственность за расчленение России не может. Если народы и племена России пожелают размежеваться, то это их дело. Но такой акт от имени Временного правительства, которому вручена цельная российская держава, был бы ничем не оправдываемой растратой вручённого охране правительства. Это тем более не может быть сделано во время войны, которая объявлена России, всем её частям, а Малороссии грозит, может быть, больше, чем Великороссии.

Если украинцы желают провозгласить автономию до Учредительного собрания, значит, они опасаются, что Учредительное собрание на автономию не согласится. Значит, они хотят это сделать не в порядке соглашения, а против воли остальной России. Но у правительства нет даже уверенности в том, выражает ли действительные желания всего населения юга России та его группа, которая называет себя украинцами и проявляет большую активность.

Правительству совершенно неизвестно, как будет встречено Великороссией и другими племенами, если Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии украинцы объявят автономными, не пожелав даже спросить мнение остальной России. Весьма возможно, что это будет сочтено актом неуважения и такого непонимания общности интересов в прошлом и будущем, что вызовет в высшей степени враждебные чувства в отношении украинцев. А из этого враждебного отношения могут родиться величайшие осложнения. Поэтому правительство всемерно будет противодействовать поползновениям решить украинский вопрос до Учредительного собрания». ⁶²

Но ни «Правительственное сообщение», ни ясно выраженное мнение премьер-министра не охладили пыл сепаратистов. Напротив, подстегнули их горячее и неуёмное желание как можно быстрее если ещё не полностью отделиться, то предельно обособиться от страны. Уже 3(16) июня Центральная Рада приняла опасную по последствиям резолюцию:

«Обсудив ответ Временного правительства русского на требования Украинской Центральной Рады и придавая значение тому, что признание права украинского народа на автономию соответствует его трудовым и национальным интересам, общее собрание Центральной Украинской Рады, пополненное Украинским Советом крестьянских депутатов и Войсковым Украинским Генеральным Комитетом, признало, что отклонение требования Центральной

Рады Временное правительство сознательно пошло против интересов трудового народа на Украине и против им же (Временным правительством) объявленного принципа самоопределения национальностей. Ввиду этого собрание Центральной Рады признало необходимым:

1. Обратиться ко всему украинскому народу с призывом организоваться и приступить к немедленному заложению фундамента автономного строя на Украине.

2. Центральная Украинская Рада считает нужным немедленно издать к украинскому народу Универсал, в котором имеет выяснить сущность требований украинской демократии, представленной Центральной Радой, а также те задания, которые стоят перед ней в создании автономного строя на Украине совместно с другими национальностями украинской земли». ⁶³

Тем самым, киевские сепаратисты не просто выразили неповиновение той власти, которую они, по их собственным словам, ещё как бы признавали. Они бросили открытый вызов Временному правительству, понадеясь на его слабость. И, чтобы если и не привлечь на свою сторону, а лишь завоевать симпатии собравшегося в тот же день в Петрограде Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, обильно уснастили свои незаконные требования псевдосоциалистической терминологией. Не поскупились на слова «демократия», «интересы трудового народа», «право наций на самоопределение». Заодно сослались и на то, что вместе с ними заодно действует и Украинский Совет крестьянских депутатов (его съезд Рада, избегая настоящих выборов, срочно провела буквально в канун принятия своей резолюции, с 29 мая (10 июня) по 2(15) июня), и явная подмена Совета солдатских депутатов – Войсковой съезд.

Можно предположить и иное. Зная о предстоящем скором наступлении на Юго-Западном фронте – а о нём не знал разве что самый нелюбопытный, – попытаться таким образом шантажировать Петроград. Требовать автономию, к тому же весьма широкую, да ещё для той территории, которую Рада сама же и определила чисто произвольно, угрожая срывом боевых действий, окончательным развалом русской армии.

Решительно игнорируя законное право кого-либо иного представлять интересы населения края или хотя бы одной Киевской губернии, Рада неуклонно продвигалась к намеченной цели. Даже вопреки неожиданному единству взглядов большевиков и меньшевиков на объединённом заседании киевских Исполкомов, Советов рабочих депутатов, войск Киевского военного округа, коалиционного студенчества, прошедшем 2(15) июня.

Так, Киевский комитет РСДРП(б) заявил: «Требование отделения Украины может быть поддержано партией в том случае, если за него выскажется всенародное голосование всего населения Украины». Меньшевики заняли ещё более твёрдую позицию. Их представитель прорезительно отметил: «Украинцы требуют от правительства не мнения, а санкции того, что авторитетный орган государственной власти автономию признает... Для чего нужны /Центральной Раде – **Ю.Ж.**/ войска? В «Декларации» указывается, что это мероприятие необходимо для предупреждения развала армии. Но в действительности на всех съездах /националистов – **Ю.Ж.**/ определённо указывается, что армия нужна Украине для защиты своих прав. Не предупреждение развала, а дезорганизация».

В целом же резолюция, принятая объединённым заседанием – не менее, а более представительным, нежели Рада, – гласила: «Стоя совершенно определённо на почве устройства России на принципах децентрализации и широкой автономии, мы вполне присоединяемся и готовы всей силой своего авторитета поддержать точку зрения правительства, что вопрос этот в смысле общих начал автономии, её объёма и фактического содержания может быть решён только Учредительным собранием. В настоящее время, по нашему убеждению, может быть речь лишь о подготовке вопроса к Учредительному собранию». ⁶⁴

Но и такая оценка конфликта киевскими Советами Раду не остановила. Убедившись, что серьёзного противодействия со стороны Петрограда она не встретит и окончательно уверовав в собственную безнаказанность, провела с 5(18) по 10(23) июня то, что назвала Вторым Все-

украинским войсковым съездом. Провела только для того, чтобы лишний раз доказать свою уже несомненную силу или, вернее, полную неспособность Временного правительства отстаивать, защищать национальные интересы, целостность государства. Войсковой же съезд, как бы подталкивая Раду к новым незаконным действиям, принял резолюцию, практически не содержащую ничего нового, принципиального. Лишь в более агрессивной форме повторявшую всё не раз звучавшее из уст сепаратистов.

«— Украинский народ, — патетически провозглашала она, — равный со всеми культурными народами мира, имеет со времени уничтожения российского царизма полные права свободного народа, которые и будет защищать...

— Съезд поручает Генеральному украинскому войсковому комитету в самом непродолжительном времени разработать детальный план украинизации войск и принять все меры для немедленного проведения его в жизнь.

— Предлагает Центральной Раде в самом непродолжительном времени созвать территориальное собрание для соглашения с национальными меньшинствами и рассмотрения проекта статута автономии Украины».

Новое собрание солдат, не желавших отправляться на фронт не ограничилось поручениями только Раде и Войсковому Комитету. Потребовало от Временного правительства:

«— Чтобы высшая русская, /так в тексте — **Ю.Ж.**/ войсковая власть /то есть военное министерство и лично Керенский — **Ю.Ж.**/ немедленно провела во всех приказах утверждение Украинского Войскового Генерального Комитета.

— Чтобы все обращения Украинского Войскового Генерального Комитета к высшей русской войсковой власти признавались и исполнялись ею обязательно».⁶⁵

Используя эту резолюцию как формальное основание, — мол, вот он, глас народа! — в день закрытия съезда пятая сессия Рады приняла обещанный ею в «Декларации» Универсал (манифест) «К украинскому народу на Украине и вне ее территории». На следующий день М.С. Грушевский зачитал его на Софийской площади:

«Народ украинский. Народ крестьян, рабочих и трудящегося люда. Волей своей ты поставил нас, Украинскую Центральную Раду, на страже прав и вольностей украинской земли. Лучшие сыны твои, выборные люди от сёл, от фабрик, от солдатских казарм, от всех громад и обществ украинских избрали нас, Украинскую Центральную Раду, и поручили нам стоять и бороться за эти права и вольности.

Твои, народ, избранные люди заявили свою волю так:

Пусть будет Украина свободна. Не отделяясь от всей России, не порывая с державой российской, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью. Пусть ПОРЯДОК и строй на Украине даст избранное всенародным, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное украинское собрание (сейм). Все законы, которые должны дать этот строй здесь, у нас на Украине, имеет право издавать только наше украинское собрание...»

Перечислив далее те требования, которые украинская делегация предъявила Петрограду, которые «центральное российское правительство отвергло, провозгласил:

«Нас принудили самих творить свою судьбу. Мы не можем допустить наш край до разрухи и упадка. Если Временное российское правительство не может ввести ПОРЯДОК у нас, если не хочет приступить вместе с нами к большой работе, то мы сами должны взять её на себя. Это наш долг перед нашим краем и перед теми народами, которые живут на нашей земле.

И посему мы, Украинская Центральная Рада, издаём этот Универсал ко всему нашему народу и объявляем: отныне сами будем творить нашу жизнь... С этого времени каждое село, каждая волость, каждая управа городская или земская, которая стоит за интересы украинского народа, должна иметь самые тесные организационные сношения с Центральной Радой. Там, где по каким-либо причинам административная власть осталась в руках людей, враждебных

украинству, предписываем нашим гражданам /выделено мной – **Ю.Ж.**/ приступить к широкой, мощной организации и осведомлению народа, и после этого переизбрать администрацию...

Народ украинский, перед твоим выборным органом, Украинской Центральной Радой, стоит большая и высокая стена, которую ей надо опрокинуть, чтобы вывести свой народ на путь свободы. Нужны силы для этого. Нужны сильные, смелые руки. Нужен великий народный труд. А для успешности этой работы, прежде всего, нужны большие средства (деньги). До этого украинский народ все свои средства отдавал во Всероссийскую центральную казну, а сам не имел, да и теперь не имеет от неё того, что должен бы иметь за это. А посему мы, Украинская Центральная Рада, предписываем всем организованным гражданам сёл и городов, всем украинским общественным управлениям и учреждениям с 1 числа месяца июля обложить население особой податью на родное дело и точно и немедленно регулярно пересылать её в казначейство Украинской Рады.

Народ украинский! В твоих руках судьба твоя. В этот трудный час всемерного неустойчивости и развала докажи своим единодушием и государственным умом, что ты – народ хлеборобов – можешь гордо и достойно стать наряду с каждым организованным державным народом как равный с равным».⁶⁶

Итак, Центральная Рада расставила, наконец, точки над «и». Провозгласила, не заботясь больше о последствиях:

1. Она якобы избрана всем народом края, правда, не указав, на какой же территории и когда прошли такие выборы; 2. Отныне народ Украины сам, без какого-либо вмешательства, но непременно в лице Рады, будет сам распоряжаться своей жизнью. 3. Больше не станет дожидаться всероссийского Учредительного собрания, а создаст собственный сейм. 4. Ещё до созыва такого сейма все местные органы власти края обязаны ей подчиниться, а если не сделают того, должны быть заменены на послушные. 5. Начиная с 1(14) июня вознамерилась обложить население края собственным налогом.

Мотивировала Рада столь беспрецедентные, незаконные решения стремлением всего лишь не допустить распространения на Украину «разрухи и упадка», якобы воцарившихся вне её пределов. Такое чисто экономическое толкование как бы подчёркивалось тем, что Универсал обошёл две проблемы, совсем недавно являвшиеся для Рады принципиальными, хотя и вызывали наибольшие споры с правительством. Ни разу в акте не упомянули те самые двенадцать губерний, которые постоянно и объявлялись Украиной. Ничего не говорилось и о формировании национальной армии. Видимо, авторы Универсала постарались избежать поводов для новой острой полемики.

И всё же, суть акта от 10(23) июня явно выходила за рамки допустимого тогда дискуссией содержания понятия «автономия». Скорее свидетельствовала об ином – полной готовности провозгласить вскоре суверенитет края, к чему Рада явно решила идти напролом.

5. Путь в Каноссу

Опасения киевских сепаратистов, если они у них ещё и оставались, оказались напрасными. Ни Г.Е. Львов как премьер и министр внутренних дел, ни А.Ф. Керенский как военный министр, столкнувшись со столь неоспоримым фактом государственной измены – а именно так следовало квалифицировать в условиях военного времени Универсал – не отдали приказ о роспуске Рады и аресте её членов. Ограничились заведомо безрезультатной в сложившейся ситуации публикацией, да и то в одной только газете «Киевская мысль», весьма запоздалого «заклучения» Юридического совещания при правительстве. Заклучения, всего лишь повторявшего уже переданное украинской делегации три недели назад мнение Особого совещания.

«Временное правительство, – с олимпийским спокойствием констатировал своеобразный ответ на универсал, – не вправе разрешать вопросы об автономии Украины, подлежащие

компетенции Учредительного собрания... По вопросу об участии украинцев в международной конференции совещание высказалось против его удовлетворения, ибо в международной конференции принимают участие государства, а не народы. Образование отдельных войсковых частей совещание признало делом военного министра». ⁶⁷

Словом, заключение перечисляло всё то, что Временное правительство не собиралось делать, что оставляло на волю Учредительного собрания либо отдельных министров. Но не содержало наиглавнейшего – юридической оценки действий и Рады, и её универсала.

Потому-то Рада и поспешила воспользоваться очередной уступкой Петрограда – а его бездействие иначе трактовать было невозможно. 15(28) июня сделала следующий шаг на пути к независимости Украины. Объяснила: отныне ей следует «стать национальным сеймом, в котором должны освещаться и разрешаться все вопросы, которые выдвигает жизнь». Исполнительным же органом её станет Генеральный секретариат. Краевое правительство во главе с В.К. Винниченко, включающее одиннадцать генеральных секретарей (министров) – внутренних дел, финансов, юстиции, продовольствия, земледелия, иностранных дел, труда, путей сообщения, военного, торговли и промышленности, просвещения. Представлявших три основные украинские региональные партии – социал-демократическую рабочую, социалистов-революционеров, социалистов-федералистов.

Лишь теперь Временное правительство осознало прямую угрозу целостности страны, свою ответственность за происходящее. Однако и на этот раз предпочло прибегнуть только к словам. К ничему не менявшему воззванию.

«Братья-украинцы, – уговаривало оно без какой-либо веры в успех. – Не идите же гибельным путём раздробления сил освобождённой России. Не отрывайтесь от общей родины, не раскалывайте общей армии в минуту грозной опасности. Не вносите братоубийственной розни в народные ряды как раз тогда, когда напряжение всех сил народных необходимо для защиты страны от военного разгрома, для преодоления внутренних препятствий. В нетерпеливом стремлении теперь же закрепить формы государственного устройства Украины, не наносите смертельного удара всему государству и самим себе, ибо гибель России будет гибелью и вашего дела». ⁶⁸

Тщетно. Центральная Рада не захотела прислушаться к крику души, к последнему аргументу. Своим упорством сыграла на руку противнику.

В тот же самый день, когда Временное правительство обратилось с воззванием к украинцам, 16(29) июня, давно согласованное с союзниками наступление Юго-Западного фронта должно было начаться. С запозданием на три месяца. Несмотря на полное разложение русской армии – 7-й Сибирский корпус после отдыха в тылу отказался вернуться на позиции; 1-й Сибирский корпус и 2-я Кавказская гренадёрская дивизия объявили, что решили вернуться домой, в места формирования; несмотря на категорический запрет Керенского, началась самочинная украинизация 10-го, 26-го и 39-го корпусов...

И всё же наступление, призванное, прежде всего, продемонстрировать верность союзническому долгу, началось. По плану разработанному Генштабом ещё в феврале и в мае одобренному главнокомандующим генералом от кавалерии А.А. Брусиловым, три армии Юго-Западного фронта прорвали австрийские укрепления, чтобы попытаться вновь занять Галицию с её административным центром Львовом.

Две недели наступление развивалось более или менее успешно. Позволило овладеть такими важными стратегически городами, как Галич, Станислав, Калуш. Однако противник сумел не только быстро оправиться от удара, но и, подтянув к району прорыва новые силы, перейти в контрнаступление. А 6(19) июля под Тарнополем нанести мощный удар. После него русские армии уже не оказывали ни малейшего сопротивления. Потеряв свыше 150 тысяч человек, стремительно, беспорядочно отступали вплоть до реки Збруч. Только там, на старой, довоенной границе, и остановились.

Смена командующего Юго-Западным фронтом 10(23) июля (генерала Е.А. Гутора заменил генералом Л.Г. Корниловым, которого уже 19 июля (1 августа) повысили, назначив главнокомандующим) ничего не изменила. Солдаты больше не желали воевать, проливать свою кровь неведомо за что. Русская армия окончательно потеряла боеспособность.

Проигранное в Галиции сражение серьёзно осложнило положение и союзников. Полагаясь на поддержку Юго-Западного фронта, они также перешли в наступление. Во Фландрии, в районах Ипра и Вердена. Однако быстрый (слишком быстрый!) успех на востоке позволил немцам перебросить подкрепления на запад, сдержав англо-французские войска. Сражение во Фландрии затянулось до конца ноября, так и не принеся перевеса ни одной из сторон. Только британским дивизиям ценою огромных потерь удалось продвинуться на... 8 километров.

Продуманная, тщательно разработанная совместная операция во второй раз за 1917 год завершилась ничем. И снова Париж и Лондон винили в том свою союзницу, так и не оправдавшую надежд.

Между тем, в Петрограде ещё 3(16) июня открылся Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Вторая, по общему мнению, власть в стране, которая из-за паралича воли Временного правительства с каждым днём обретала всё большую и большую силу, значимость.

Первым, а, следовательно, и самым важным из предложенных для обсуждения, неизбежно оказался вопрос о власти. Следует или нет поддерживать коалиционное правительство. Однако было вполне очевидным, что положительный ответ на него предreshён. Известен загодя, ибо эсеры, меньшевики, трудовики и народные социалисты, чьи представители согласились принять министерские посты, на съезде составляли большинство. Обладали 564 мандатами из 1090.

Так оно и оказалось. Тон задал выступивший первым лидер правых меньшевиков и вместе с тем министр почт и телеграфов И.Г. Церетели. Скучно, невыразительно призвал всех выразить полное доверие Временному правительству. И поступить так лишь на том основании, что ни все социалистические партии вместе, ни одна из них якобы ещё не готовы взять на себя ответственность за судьбы страны.

Вторым оратором – от большевиков – стал Ленин. Он же не только подверг уничтожающей критике политику правительства. Уверенно заявил, что уже сегодня вся власть должна перейти к Советам. А если потребуется, то его партия в состоянии взять на себя ответственность за будущее России. Выступая с докладом по столь широкой проблеме, Ленин, естественно, остановился и на не менее злободневном вопросе – о войне. Точнее, о «мире без аннексий и контрибуций», которого столь дружно вроде бы добивались все партии, представленные на съезде. Но вот тут-то он неожиданно затронул и иное – национальную проблему.

«Революционная демократия, – заметил Ленин, – это большие слова, но применяются они к правительству, которое мизерными придирками осложняет вопрос с Украиной и Финляндией, не пожелавшими даже отделяться, а лишь говорящими – не откладывайте до Учредительного собрания применение азбук демократии». Заодно, мимоходом – не подтверждая убедительными доказательствами – поддержал идею федерализации, которая, по его мнению, и должна исключить возможность угнетения какого бы то ни было народа. И многозначительно добавил, обращаясь к правительству: «Мир без аннексий и контрибуций нельзя заключить, пока вы не откажетесь от собственных аннексий».⁶⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.